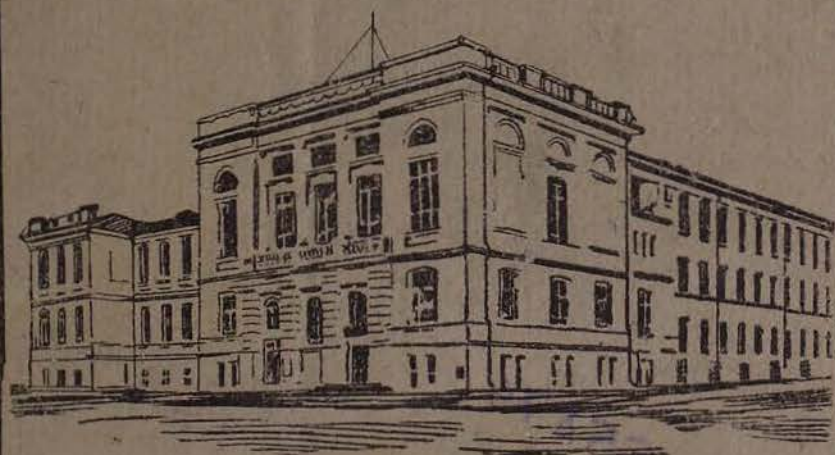

::: ОМСКИЙ РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ :::
СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО
::: ХОЗЯЙСТВА И ЛЕСОВОДСТВА :::

ОМСКИЙ РАБФАКОВЕЦ

№ 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

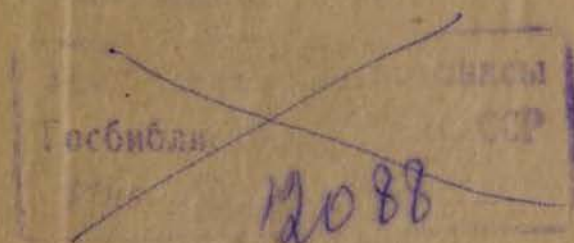
1.—В годовщину рабфака— Н. Бибиков.	3
2.—К восьмилетию Омского Рабфака, стих.— А. Васильев.	4
3.—Имениннику, стих.— И. Дубровин.	4
4.—Вечер, стих.— А. Низовой.	5
5.—Не грусти, стих.— Н. Борисов.	5
6.—Рожь, стих.— С. Заречный.	6
7.—Полевое, стих.— Его же.	6
8.—** стих.— И. Л—К.	7
9.—Степняк, стих.— Н. Козуев.	8
10.—Рабфаковцы, стих.	8
11.—Красногвардеец, стих.	9
12.—Письмо рабфаковца, стих.— Е. Аржаев.	10
13.—Мороз, стих.— Леонихин.	10
14.—** стих.— И. Л—К.	11
15.—** стих.— С. Заречный.	11
16.—Друзьям, стих.—	12
17.—Осеннее, стих.	12
18.—Рабфаковке, стих.— Свиридов.	13
19.—Мощи, басня— А. В.	14
20.—О быте казаков Борисовского р. Ом. округа— Гайсина. . . .	15
21.—Омские правонарушители — Корешенков, Покшеванова и Подмарькова.	23
22.—Воспитание рабфаковца— П. Логвиненко.	27
23.—О самообразовательной работе студентов— Н. Лепорский. . .	28
24.—Искавления в нашем быту— М. Постников.	30
25.—Половой вопрос в среде современной учащейся молодежи— Н. Лепорский.	38
26.—Сексуальное воспитание на Р. Ф.— М. Постников.	40
27.—Есть ли у нас демократия— Данилов.	64
28.—О нашей стенгазете— М. Постников.	66
29.—Текст приветствия Артшколе.	67
30.—Библиографический отдел.	68

14833 20

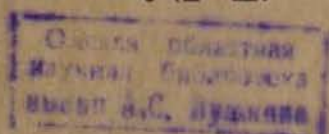
::: ОМСКИЙ РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ :::
СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО
::: ХОЗЯЙСТВА И ЛЕСОВОДСТВА :::

ОМСКИЙ РАБФАКОВЕЦ

№ 2.

№ 55874

ИЗДАНИЕ РАБФАКА СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА С. Х. И ЛЕСОВОДСТВА

О М С К. 1 9 2 8 г.

Набрано и отпечатано
в типо-литографии
ОМГОСПОЛИГРАФ
1928 г. Зак. № 3061. 450

1928 г.
15088

ОМГОСПОЛИГРАФ
1928 г.

15088

1928 г.
15088

Н. Бибинов.

В ГОДОВЩИНУ РАБФАКА.

I.

8 лет—
Расцвет
Жизни Омрабфака.
 Были годы
 Непогоды,
Просвета и мрака.
8 лет
 Как след
Ухали машины.
 Приходили,
 Уходили
Женщины, мужчины.
8 лет
 Во вред
Странам буржуазным

Собирались,
Обучались
Здесь наукам разным.
8 лет
 Привет
Пахарь и рабочий
Здесь встречали,
Добывали
Знания, что есть мочи.
8 лет
 Совет
Омского рабфака
 День открытия,
 Как событие,
Праздновал двояко.

II.

В вечер—
Речи,
Хоздоклады,
Планы учработы,
Заседания,
Парады,
Выбывших подсчеты.
 Далей —
 В зале
Пожеланий
Радужной окраски
 Поздравлений
 Вне сомнений
И без пошлой маски.
 Днем же
 В том же
Помещеньи
Для рабочей массы—
 Учпросветы,
 Кабинеты,
Аудиторьи, классы
 Все открыты,
 Не забыты.

Разные приборы
 Привлекают,
 Удивляют
Приходящих взоры.
 Опыт взрыва—
 Всем на диво!
Химанализ газа..
 Микроскопы,
 Телескопы
И модели глаза.
 Микрофоны,
 Телефоны,
Свет лучей Рентгена..
 Об'ясненья,
 Просветленья..
Камертон, сирена.
 В коридорах
 Все в узорах:
Лозунги, картины,
 Диаграммы,
 Картограммы..
Нет былой рутины!
 Все наглядно,
 Все нарядно..

СССР Довле

Библиотека

аналог

СССР

В прок идет учење.
Дружным ходом
Год за годом
Мчат свое теченье.
Словно птицы
Вереницей
Выпуски студентов,
Улетают,
Заполняют

Вуз пролэлементом.
Пусть, как злаки
Все рабфаки
Глубже в землю корни!
Прочь все муки!..
Сталь науки
Будем грызть упорней!

А. Васильев.

К ВОСЬМИЛЕТИЮ ОМСКОГО РАБФАКА.

(1920—21 марта—1928).

Если море—рабфак, а студенты—пловцы,
Сколько их в восемь лет переплыли!
Закаленные духом и телом бойцы
В океаны науки поплыли.

Если море—рабфак, а студенты—пловцы,
Сколько их, не доплыв, воротились!
Не последние были и то удалцы,
И безбрежные дали им снились.

Если море—рабфак, а студенты—пловцы,
Сколько их на пути потонуло!
Скрылись в бездне учебы желанной концы,
И мятежное сердце уснуло.

Если море—рабфак, а студенты—пловцы,
Им попутного ветра желаю.
Все вперед и вперед, пролететуда борцы,
К коммунизму—заветному краю!..

Иван Дубравин.

ИМЕНИННИКУ.

Тебе, рабфак, во тьме светильник,
Свершилось ровно восемь лет.
Сегодня ты наш именинник,
Шлем в этот день тебе привет.

Ты, революцией рожденный,
В огне снарядов окрещен,
Народной кровью окропленный,
Ты лишь народу посвящен.

Еще ты юноша, но славный,
Гремишь ты славой мировой,
И ежегодно льется лавой
В тебя народ наш трудовой.

Берешь его в свои объятия,
Даешь ему науки свет.
Рабфак, мы, труженики-братья,
Шлем пламенный тебе привет!

А. Низовой.

В Е Ч Е Р.

Небо алеет закатом,
Небосвод—кровавый плакат.
За синим речным перекатом
Слышатся песни девчат.

Льется песня и в воздухе стынет,
Звуки плавно уносятся вдаль,
Эхо песню, как мячик, откинет
И забросить в зеленую таль.

Свет скатился струею на запад
И слился в заходный мираж,
Кошкой крадется дымный запах
В широкий рыбацкий шалаш.

Тени сгустком чернильным ложатся,
В небосводе кровавый ожог,
Пашни желтые салом лоснятся,
Так и взял, откусил бы кусок.

Как звезда, огонек в дальней хате,
Вот еще замигал огонек.
Светом алым луна на скате
Осветила верхушки острог.

Месяц прыгнул в реку и расплылся,
Как в тарелку налитый кисель,
В паровой волне изогнулся
И с брызгами пал на отмель.

Н. Борисов.

Н Е Г Р У С Т И.

Тебе, лучший друг мой, З. Л.

Скоро, скоро настанет весна,
На деревьях появится просинь...
Расскажи, почему ты грустна
И печальна, как осень?

Посмотри, уж ручьи потекли
И Иртыш вот на-днях разольется...
Что печальны так взоры твои,
И лицо не смеется?

Появляться у старой межи
Начинают цветы понемногу...
Почему ты грустна, расскажи?
Что глядишь на дорогу?

Стцвели, засыхают цветы
И трава на полях пожелтела...
Я узнал, что задумалась ты,
Что давно уж не пела!

Кому хочешь ты жизнь посвятить,
Тот уехал в прошедшую осень,
Потому-то твой взгляд и грустит
И туманится просишь.

Он уехал учиться в рабфак,
Грызть упорные камни науки,
Не грусти, не печалься же так,
Не ломай свои руки!

Лаской страстной зашепчет весна,
Радость в сердце разбитом забудется.
Верь, воспрянет душа ото сна,—
Он вернется...

С. Заречный.

Р О Ж Ь.

Эх, давно ли, чорт возьми, давно ли
Зеленело голубое поле.
Колосилась рожь и попевала,
Золотистым светом отливала.
Я ходил, ходил, бывало, рано
Утром по полевым бурьянам,
Любовался далью синеокой
И рожью голубой высокой,
Но прошла неделя, аль другая,
Я и сам, как следует, не знаю.
Разошлись по полоскам жницы,
Заскрипели у повозок спицы,
Закричало поле по иному.
Пот полил на рыжую солому.
И на месте золотистой челки
Огрубелые остались стопки.
И теперь о ржи уж нет помина,
Вся она измята у овина..

С. Заречный.

П О Л Е В О Е.

А. Вересову посвящаю.

Как хороши весенние поля!
Как хорошо звенят родные степи.
О милые цветущие края!
Не мне ли вы поете песни эти?

Кругом цветы. Цветов—вози телегой...
И льется с неба серебристый звон.
А вон по склону, вместо клячи пегой,
Ползет в дыму стрекочущий „Фордзон“.

А вот и рожь: волниста и рядна,
Как будто по полю идет пехота,
О, рожь зеленая! Ты мне родня
И мне с тобой расстаться неохота!

И я стою, улыбку затая,
С души сметая городскую колоть,
И вижу: хочется колосикам, шутя,
Меня, как друга, по плечу похлопать.

И. Л.к.

*В наше недетское время
Лирика еще не умерла.*
Е. ЗАБЕЛИН.

* * *

В волны зеленые кизиль сметаю,
Косой острой под травой звеня.
И в первый раз так просто понимаю
Всю красу сгорающего дня.
Еще в полдень ветер кувыркался
И от взгляда прятался в кусты,
Там, в раkitнике, игриво полоскался,
На березках шевелил листы.
Еще в полдень он, дурак лохматый,
Крался, копны теребя, как вор.
А сейчас я вижу под закатом
Тихий, голубеющий простор.
Луг зеленый я сравнил бы с окунем,
И алеющий закат—с его хвостом.
Тучи медные большими копнами
На солнесклоне ало-голубом.
И шумит коса по выгнувшимся дудкам.
Дрогнет, чуть усталое, плечо.
Тихий вечер серой грудью утки
Наплывал, дыша негорячо.
Помнишь вечер.. Помнишь, синеокая,
Он пушился так же под окном.
В этот вечер ты же ненароком
Разделяла горе, радость с батраком.
Курешок последний добиваю
И кладу литовку на плечо.
Вон зарница смотрит, улыбаясь,
Как я брякаю оселком и ключем.
Слышу голос где-то из-за роши.
Голос звонкий, милый с давних пор.
Синеглазая, что может быть проще.
Как не эта зелень, песня и простор.

С Т Е П Н Я К.

Далеко, среди вольных степей,
Я родился под трель жаворонка,
Под пронзительный свист пахарей,
Под залиvistый смех жеребенка.

Я не знал городской суеты:
Ни двориов, ни заводов, ни башен.
Мне знакомы лишь были цветы
Да полоски черневшие пашен.

Уж и как я тогда полюбил
Эту степь, это море фиалок;
Стать хозяином в детстве я мнил,
Но тот сон был несбывчив и жалок.

Помню день, когда я променял
Степь родную на штык и винтовку.
А винтовку на школьный пенал,
Да на жизнь городскую, плутовку.

Я теперь среди каменных плит.
Среди шумной рабфаковской жизни
Кто ж в душе моей мог заменить
Эту степь, эту радость отчизны?

Ты зовешь! Не зови! Я приду!
Подожди еще малость, ведь рано!
Вот с наукою счеы сведу
И затем пред тобою предстану.

Уж таким не вернусь, каков был,
Нет! Вернусь с полной чашей науки.
Разолью ее там, где любил,
Где мозолил безжалостно руки.

Р А Б Ф А К О В Ц Ы.

Смех. Разговор. Беготня.
Смелые, крепкие лица.
Жизнь в них—что море огня
Брызжет, бурлит и струится.

* * *

Кто из киргизской глуши,
Кто от сохи, от завода.
Все они кровной души,
Все они дети народа.

* * *

Дружно, сплоченной семьей
Гложут твердыни науки;
День ото дня все смелей
К знанью их тянутся руки

* * *
Буря иль сумрачный шквал
Им не преграда в дороге.
Цель их—седой интеграл
Да мировые отроги.

* * *
Ленинский помнят завет:
„Дать мужику агронома,
Дать электрический свет,
Дать иноходца стального“.

* * *
Значит, учись! Не зевай!
Ждут ваших знаний заводы;
Ждет обновленья весь край.
Край трудового народа.

КРАСНОГВАРДЕЕЦ.

*Посвящается памяти
Ф. СТРОКОВА.*

Ему было шестнадцать от роду.
Худошавый, невзрачный на вид,
Он пришел умереть за свободу,
Кровь за дело народа пролить.

Сиротой возрастал, беспризорным,
Изнывая от горьких невзгод;
Ночью мерз, словно пес под забором,
Днем с сумою стоял у ворот.

Заскорузлый, голодный, невытый,
Добывал он кусок не шутя;
С малых лет угнетенный, забитый
Этот нищий, бродяга—дитя.

В сероватом, оборванном платье
Встретил он исторический год,
Посылая тиранам проклятья,
На борьбу как поднялся народ.

И тогда, отозвавшись на призыв,
Взял винтовку незрелой рукой,
И орленком, расправивши крылья,
Улетел в полыхающий бой.

Под шрапнельным огнем с пулеметом
Шел открыто всегда впереди,
И в бою под деревней Уметом
Пал с дымящею раной в груди.

Ему было шестнадцать от роду.
Худошавый, невзрачный на вид,
Он погиб, но погиб за свободу,
И народ о нем память хранит.

ПИСЬМО РАБФАКОВЦА.

Друзья, родные, мой привет
 Из за тайги, степей широких
 Я шлю, и жду от вас ответ,
 От вас, родных мне, но далеких.

Немного дней еще прошло
 С тех пор, как я дорогой серой,
 Оставив родины поля,
 Ушел от вас с глубокой верой.

Я верил, что вдали от вас
 Найду в науке упоенье
 И жажду знания утолю.
 Теперь сбылось мое стремленье.

Мне шумный город стал родным;
 Роднее, чем степей просторы,
 И песни вольных пахарей,
 Милей, чем солнечные горы.

* * *

Бывают дни, когда скучаю,
 И край родной меня манит,
 К родным горам, где в полдень солнце
 „Белки“ Алтая серебрит.

Где в тихой горной деревушке
 Доселе молодость текла;
 Откуда жизнь своим теченьем
 Меня с собою увлекла.

Леонихин.

М О Р О З.

Утром жгут мороз трескучий,
 Только выйдешь—холодит,
 Но я сильный и могучий:
 Он меня не победит.

Пусть на всех деревьях иней,
 Пусть, как зверь, мороз сердит,
 Я ведь молод бодр и силен,
 С детства к этому привык.

Я за сеном в поле еду,
 Поздно вечером вернусь,
 Весь день в поле я пробуду,
 Я мороза не боюсь.

А он злится, щеки лижет,
 Под полозьями скрипит,
 То под шубу ко мне лезет,
 То мчит вихрем по степи.

Посвящаю бывшему чабану
Г. КРИВОТУЛОВУ.

* * *

Были дни. Дождь осенний капал
И роняла слезу лебеда.
Ветер мокрую зелень лапал
И стекала с деревьев вода.

.....
Были дни, когда солнце златистое
На реченке расплещет свой луч...
Голубая высь звонкая, чистая,
Нет и признака сереньких туч...
Я со стадом овец отдыхаю
У речушки. Корзинку плету,
То с барашком курчавым играю,
Или мушек ловлю на лету.
Словно мне этот день синеглазил
Сотней, тысячью радостных глаз...
Я по гнездам вороньим лазил,
Об сучки рвал штанишки не раз.
На воде затрепещут морщинки,
Я, любуясь игрой их живой,
Вырезаю трость из талинки
И дразню ею осиный рой.
Солнце медленно клонит к закату,
Стадо в гору идет от реки.
Ветерок зашевелится, лапает,
На овечках теребит клочки.
Звуки дня постепенно стихают,
Потемнели леса и поля.
Только овцы протяжно базлают,
Собирая своих ягнят.

.....
Были дни. Дождь тоскливо капал.
Но прошли, прошли года.
И теперь я в объятьях рабфака...
Пусть не плачет по мне лебеда.

С. Заречный.

* * *

Я одел городскую кепи
И прическу ношу „полит“,
Но люблю золотистые степи
И глухой журавлиный всхлип.
Также тянет меня в просторы,
В полевую цветущую тишь —
Слушать ветра чуть тлеющий шорох
На гниющей соломе крыш.
Вспоминаю про сизые дали,
Про свинцовые копны тучи,
Что меня, как дитя, воспитали
И поведали песен кучи.

Я улыбку далекому краю
На устах посейчас берегу,
И с любовью всегда вспоминаю
Про зеленый шалаш на лугу.

В нем с седеющим дедом двое
Сторожили цветистый покос
И делили и радость и горе
До прихода блестящих кос.

А теперь, вот как только лисий
Солнце веером выкинет хвост—
Ухожу в лес шумящих трансмиссий
Ткать из хлопка цветущий холст.

Полюбил я дрожание нитей
И вертлявый стальной челнок,
Эх, судите меня, как хотите
Только я не любить не мог.

Потому и надел я кепи
И прическу ношу „полит“,
Хотя, правда, люблю и степи
И глухой журавлиный всхлип.

С. Заречный.

И. М. Еременко и П. М. Волкову посвящаю.

ДРУЗЬЯМ,

Мои любимые друзья,
Давайте сядем потеснее,
Давай споем повеселее,
Ведь нам грустить
Никак нельзя.

Эй! запевай-ка, Пашка, песню
„Он был шахтер—простой рабочий“,
Пушкой смелее и чудесней
Огнями пышут наши очи

Эй, Ванька, подтяни повыше
Своим веселым тенорком...
Чтоб каждый атом
Жизни слышал
Трель нашей песни за окном.

И, в звоне песен утопая,
Искрится ум и блещут очи,
„Он был шахтер—простой рабочий“
Звенит в ушах не умолкая.

ОСЕННЕЕ.

С деревьев осыпались листья
И угасал июльский зной,
И поле, словно шкура лисья,
Блистало мертвой желтизной.

И ветер был постылым волком,
И рыскал по пустым полям,
И, как бандит, стучался в окна,
Или карежил тополя.

И дождик мелкий как-то глухо
Дырявил лужицы воды,
Так осень хмурая старуха,
Стирала летние следы.

Свиридов.

РАБФАКОВКЕ.

Разметались золотые кудри
По упругим девичьим плечам.
Ты идешь в учебный корпус утром
Выполнять заветы Ильича:

Синь в глазах твоих напоминает
Васильки в золототканной ржи.
Ты пришла из солнечного края,
Где в полоски врезались межи.

Где залиvisto хохочет или плачет
Вечерами пьяная гармонь,
Где любовь в зеленых куцах прячет
Сердца муть и трепетный огонь.

Я люблю смотреть на эти кудри,
Упиваться синевою глаз.
Хорошо тому, кто волосы раскудрив
В твое сердце сделает пролаз.

Ах, рабфак, культуры мастерская,
Как люблю учебный корпус твой!
Я горжусь, что девушка такая
Будет женщиной и умной, и простой.

Отгрустила метель под окном,
Отплясала в заснеженных даях
Скоро! Скоро по-вешнему гром
В небесах голубых заскандалит.

Скоро! Скоро в полях прозвенят
О любви лебединые трели!
Сколько душ они вновь опьянят
Молодым, жизнерадостным хмелем!

Уж на что в наших омских лугах
Нет красивых и ласковых весен,
Все ж от девичьих, радостных песен
Загораются искры в глазах.

Жизнь бурлит! Жизнь смеется игриво.
Эх, весна, — кружишь голову мне!
Я пою о весне и в Сибири,
Я пою о любви по весне.

М О Щ И.

(Б а с н я).

Среди на шумевших в м. г. произведений были „Мощи“ Калининкова.

Старушка древняя своим домком жила—
 Жильцам в нем комнаты сдавала;
 Хоть прибыли имела мало,
 Но все ж одета и сыта была.
 Однажды вузовцев она к себе пустила
 И так потом о них соседке говорила:
 — Ребята славные попались, на подбор...
 Над книжками сидят, когда и поиграют
 И попоют—известно, молодой задор,
 А если-б слышала, какой их разговор,
 То диву бы далась—про м о щ и поминают...

Да, бабушка, ты впрямь слыхала звон,
 Но где ж тебе понять, откуда он.

О БЫТЕ КАЗАКОВ БОРИСОВСКОГО РАЙОНА, ОМСКОГО ОКРУГА (1927 г.).

Казак, переселившиеся 150—200 лет тому назад из южных степей, в настоящее время занимают часть территории Борисовского района, Омского округа.

Занимаемая казаками площадь равняется 90000 десятин. Из них приблизительно 4000 десятин представляет посевную площадь. 1350 дворов охватывают 6170 едоков. Климат континентальный. Дуют юго-западные и северо-восточные ветры. Зима суровая, а летом жарко. Почва почти черноземная. В степях в околках (местами сплошные околки-березняк) встречаются растения, которые применяются для лечения разных болезней. В степях частично занимаются земледелием. Оружием для казаков служили и служат лук-исак, стрела-нейза, дубина, капкан. Собак держат борзых, для охраны жилищ и стад.

Жилищами служат юрты, удобные для передвижения. Средством для передвижения является степной конь или казакская лошадь. Конское снаряжение ограничивается седлом и уздечкой. В то время, когда казаки вели полный кочевой образ жизни, объединяющих факторов, кроме семьи, не было. Экономические факторы несколько не способствовали укреплению казаков на земле, а наоборот способствовали кочевому образу жизни, и они все время кочевали в облюбованном ими районе.

Теперь казаки кочуют только на джей ляд, а зимой живут в домах. Политическая структура была не сложна. Главой рода являлся улкень-аксакал (большой аксакал или большой отец). Если род подчиняется другому роду, то главой рода являлся глава сильного рода, бей отец (хан отец).

Высшим советом того времени являлся совет старшин, где совещались улкень атан. Это экономическое и политическое подчинение считалось в обязательном порядке.

Физическое развитие казаков среднее. Они среднего роста, средняя продолжительность жизни. Смертность среди казаков большая, особенно среди детей (редко встречается казакская семья с 3-мя, 4-мя детьми). Уход за ребенком весьма неудовлетворительный. Моют ребенка только после рождения, соблюдая все религиозные обряды и казакские обычаи, а дальше обычно не моют. Интересны казакские обычаи при рождении ребенка. Женщине в момент рождения ребенка лежать не полагается. Она о своей болезни никому не должна говорить до тех пор, пока будет не в состоянии даже двигаться (говорить женщине о своей болезни считается позором).

При рождении делают так: привязывают на потолок две веревки, продевают их под мышки женщины. По бокам встают две стары

близкие родственницы или более близкие друзья, которые и поддерживают ее за руки.

В некоторых случаях такое положение затягивается на несколько дней. Тогда, с целью ускорения процесса рождения, применяются всякие меры, предусмотренные казакскими обычаями.

Призывают на помощь муллу. Он внушает женщине, что вот-вот она родит, вот-вот освободится. В общем он ее занимает и отвлекает ее внимание на другое. Иногда мулла дает „лекарства“.

Так, например, берет „золотые“ чернила (химические густые чернила), пишет по краям чайного блюдца молитву из корана и, разбавив теплой водой, дает роженице выпить. Если это не помогает, приглашается более опытная по акушерству бабушка, которая тоже принимает всякие меры в пределах казакского обычая.

Более предусмотрительная беременная женщина на всякий случай должна готовить себе необходимые лекарства заранее.

Берет она скотскую кожу, сшивает из нее маленький турсук (турсук—посуда для кумыса), в него кладет всякие пищевые остатки: молоко, простоквашу, кумыс и т. п. и даст всей этой смеси разлагаться, а испорченный воздух вдыхает роженица; делается это для того, чтобы вызвать тошноту и рвоту, долженствующие ускорить роды. Если и это не помогает,—берется деревянный кружок с отверстием по середине, приспособленный для веретена. Бабушка, читая молитву, плюет в это отверстие, после чего заставляя роженицу в него дуть. После таких проделок женщина или умирает или рождает. Умиравшие составляют довольно большой процент, на смерть смотрят очень просто. Умиравшего не спасешь, его смерть зафиксирована год тому назад ангелом-регистратором, находящимся на правом плече человека. На обоих плечах человека находятся ангелы. Ангел-регистратор злых дел помещается на левом, добрых—на правом плече. Когда человек умирает, они оба сдают записную жизненную книжку в руки непосредственного судьи.

После взвешивания добрых и злых дел душа направляется в ад или в рай, в зависимости от того, что перевесит—грехи или добрые дела.

Чем женщина больше мучается во время родов, тем скорее удастся ей попасть в рай.

Мучения при жизни вообще уменьшают грехи.

После рождения сразу же ребенка моют. Когда моют его, в таз кладут несколько монет. Потом эти монеты раздаются пожилым женщинам, присутствующим во время родов. По казакскому обычаю, собираются все пожилые женщины аула и более близкие родственницы из другого аула. Вечером с участием молодежи состоится туй (туй—торжество). Туй сопровождается веселыми песнями, продолжается до утра. Туй заключается в играх с соответствующими песнями, посвященными новорожденному. С первого дня рождения казакский ребенок подвергается казакскому воспитанию. У казаков, обычно, молока не имеется. Обвертывают ребенка тряпками на подобие пеленок, обматывают кушаком, кладут в ящик с соответствующими приспособлениями. Ящик—не глубокий, с отверстием на одном конце. Под отверстие ящика подставляется кружка с трубчатой косточкой. Один конец косточки через отверстие ящика опускается в кружку, другой конец одевается на половой орган ребенка (независимо от пола), и по этой трубочке моча протекает в кружку. При чем, чтобы ребенок не пошевелился и не поднимал голову, ставится палочка вдоль ящика через лицо ребенка, почти касаясь лица.

Детские болезни очень распространены. Встречаются совершенные калеки, косоглазые, легочно-больные и т. д. Смертность казакских детей до 3-х лет составляет 80—85⁰%, даже больше.

Среди взрослого населения сильно распространены болезни: трахома, туберкулез легких, туберкулез костей, зачастую венерические болезни, чесотка и, наконец, женские болезни.

Когда я беседовала с казачками, то на заданные мною вопросы получила ответы следующего характера.

Обращаются ли к врачу вообще?

Большинство населения не обращается, удовлетворяются лечением муллы, знахарок. Приглашают ли при родах акушерок? Отвечают: по казакскому обычаю, новорожденного давать в руки православных не полагается,—считается большим грехом, а потому и не обращаются. Приглашают своих более опытных бабушек, зачастую из других аул-советов.

Чем лечат трахому и чесотку? Ничем. Когда обращались к врачу, пользы никакой не получали, а потому перестали обращаться.

Имеют ли особую посуду для легочно-больных и отдельные полотенца для трахоматозных? Отвечают: нет. Они не свиньи же, их бояться нечего, своя кровь, свой мусульманин. Если бог не накажет, ничего не будет. К кому обращаются в экстренных случаях? К знахарю, к мулле. Интереснее всего то, что при заполнении по-аульных бланков всегда получались ответы, что они обращаются в медпункт, даже во время родов.

Во время моих бесед с казачками я убедилась в том, что очень редкие, даже единичные случаи, что они обращаются в медпункт.

Казакские обычаи при похоронах.

Покойника кладут на низенький столик, около которого постоянно должен находиться один человек (независимо от пола покойника и караульщика). Оставлять покойника одного, по закону корана, не полагается. Говорят, что, если покойника оставить без надзора, то „доброе“ мусульманина (он добр потому, что мусульманин) украдет шайтан и на его место положит нечистое тело шайтана. На другой день приглашается мулла, высшее духовное лицо в пределах нескольких аулов, и начинают приготовления к похоронам. Собираются все женщины аула, которые, сидя по одной стороне юрты, плачут и поют песни. Плакать, обычно, начинает самая старшая в семье женщина. По очереди обнимает она всех близких покойника, (если есть—отца), плачет, и сама поет песни. Содержание песни заключается в том, что покойнику желают спокойной, хорошей „жизни“ на том свете, просят бога не наказывать его. Если предназначенное наказание жестоко, то облегчить его. После продолжительного времени, по предложению муллы, все плачущие успокаиваются и погружаются в думу.

Мулле поручается мерить и кроить костюмы покойнику. Шить костюмы не разрешается по религиозным соображениям: вместе с костюмом сшивается счастье человека, а его, как несчастного, могут наказать на том свете. Считающимся добрыми людьми аула поручается мыть покойника. Когда его моют, посторонним лицам присутствовать, по шариату, не полагается. Родителям или родным мыть покойника не принято. После того, как вымоют, заворачивают покойника в чистое „белье“ (по возможности новое), мужчин заворачивают в 3, а женщин в 5 штук нижних „рубашек“ и в верхнее „платье“. Завязывают в 3-х местах белой ленточной материей с головы, с ног

и по середине фигуры. Потом обвертывают полотенцем и уносят из дома во двор. (Причиной завертывания женщин в 5, мужчин в 3 ш. является то, что все части тела женщины, кроме конечностей рук, лица, считаются наравне с половым органом, из таких же соображений принято женщинам-мусульманкам закрываться вообще). Кладут покойника головой на восток. Мужчины встают все в один ряд и организованно просят у бога облегчения наказания покойнику. (В законе корана сказано, что, когда просят в одиночку, то бог не прощает, а потому просят организованно).

После совершения всех обрядов уносят в кладбище и вместе с костюмами зарывают в землю. В этот момент женщины, собираясь в кибитку (если зимою—в зимовку), продолжают петь песни. Содержание их заключается в воспоминании прошлого покойника. Вспоминают его только хорошим, обещают все время молиться за него и просить бога облегчить его наказания и тому подобное. Это продолжается до возвращения муллы с кладбища. Когда приходит мулла, опять все собираются в избу, начинается траурное заседание. Мулла прочитает из корана какую нибудь молитву на арабском языке, и приступают к питью кумыса.

Перед началом питья кумыса преподносят каждому маленький тазик с кумганом—умывальником с водою—моют руки и глаза. Родители или родные покойника в этот день ничего не делают. Чужие женщины приносят или привозят из своего дома или другого аула всевозможные кушанья: мясо, кумыс, баурсаки, посуду, угощают муллу и потерпевших родных и родителей покойника и угощаются сами.

По мусульманской вере и по казакскому обычаю, все костюмы и вещи, с которыми соприкасался больной, прополаскиваются по три раза холодной водой,—в целях гигиены.

Занятия казаков.

Основным занятием казаков считалось раньше скотоводство. В настоящее время скотоводство не имеет прежнего значения. В то же время земледелие не занимает место основного занятия, так что можно считать, что их основное занятие смешанное. Существует переложная система обработки земли.

Имеют в большом количестве излишек земли. Излишки сдают в аренду близким русским селениям.

Договор при сдаче в аренду не заключается. Арендная плата берется деньгами и натурой. С десятины целины на три года (обычно сдают на три года) берется или 4 р. 50 к. деньгами или натурой три пуда пшеницы. Никаких улучшений, удобрений на арендованной земле не делается. Истощенная земля через три года возвращается хозяину. Хозяином земля на несколько лет забрасывается.

Налогов, кроме сельско-хозяйственных, никаких не платят, так как подсобным ремеслом или кустарничеством не занимаются. Что же касается исторического развития земледельческих орудий производства, то 15—20 лет тому назад у населения Борисовского района земледельческим орудием являлись деревянные плуги, деревянные бороны, вилы; то же самое и сейчас.

Сеяли ручным способом, что не изжито в настоящее время во многих хозяйствах.

Жатвенная машина и молотилка появились только после революции (раньше молотили катком). Что же касается скотоводства, то в качественном отношении скот вообще мелкосортный, малосильный. Лошади и коровы самой низшей породы.

Разведение домашних птиц, как отрасль крестьянского хозяйства, на самых низших ступенях развития. На заданный вопрос, почему не разводят домашних птиц, хотя бы кур, отвечают, что препятствует кочевой образ жизни.

Пчеловодство не имеет хозяйственного значения. Никто пчеловодством не занимается.

Садоводство и огородничество совершенно не развиты. Среди местного населения вообще корнеплоды не имеют широкого распространения. На вопрос, почему не занимаются огородничеством, опять-таки, говорят, что не знают способа обработки земли и препятствует кочевой образ жизни. На джей-ляд, говорят, выезжаем поздно, возвращаемся рано, да иной раз бывает порядочное расстояние от зимовки до джей-ляд, на 15—20 верст. Если посадить, хотя бы картошку в зимовках, то некому за ней ухаживать. Есть такие единицы, что недовольны кочевым образом жизни, имеют большое желание жить на определенном, месте заниматься хозяйством вообще: в частности огородничеством.

Кустарничеством почти совсем не занимаются.

Специально торговлей, охотой, рыбной ловлей не занимаются. Местное население удовлетворение хозяйственных потребностей находит на базаре близких русских селений.

В большинстве случаев покупают в кооперативе, сбывают на базаре частным лицам. У частника товары хозяйственного потребления дороже, почему приобретают в кооперативе.

Когда сами продают, частным тоже продают дороже, чем в госорганах.

Кооперирование казакского населения заметно идет, но чрезвычайно медленно, и пока охватывает только наиболее зажиточные группы. Когда спрашиваешь казака, почему он не состоит членом потребобщества, отвечает, что русское потребобщество его не удовлетворяет. Во-первых, порядочное расстояние до русской деревни, во-вторых, в русских кооперативах нет самых необходимых национальных товаров, как, например, национальные ковры, платки с разными красками, пестрый ситец, сбруя и другие.

При том, когда привозят в кооперативы товары, то в первую очередь забирает самый лучший товар население близких деревень, а другим остается брак.

„Были бы свои национальные кооперативы,—говорят,—состояли бы членами, но препятствует бедность и наша некультурность. Не располагаем средствами и не знаем, как организовать национальные кооперативы, учить нас некому, а сами почти все неграмотны“.

Структура политической власти.

Политическая власть до революции выражалась в очень узкой форме. Аульный староста, сотские, десятские—и этим структура заканчивается. Представителями политической власти являлись урядники. При важных случаях население аула выступало, как запасные силы власти.

Судебные обязанности выполнялись муллой и аксакалом. Обязанность муллы состояла в отправлении религиозных обрядов, в регистрации брака, развода, рождения и смерти.

Аксакал—авторитетное лицо аула, который до революционного времени почти заменял настоящего председателя аулсовета, заведывал „экономотделом“, являлся высшим административным органом аула. Аульный являлся только исполнительным органом постановле-

ний высших ячеек. Аксакал в то время, как административная власть, принимал все меры к поднятию сельского хозяйства и „культурного уровня аула“; организация религиозных школ, постройка мечетей, сборы и пожертвования в религиозный фонд—все делалось по инициативе аксакала.

Судебные дела, как уже сказано выше, входили в обязанность муллы, но это только юридически, а фактически выполнялись аксакалом.

Спорные вопросы между аулами разрешались между аксакалами аулов. Если аксакалы не могут урегулировать вопрос миром, то кончается дракой. Победа остается за сильным.

Политические права женщин: положение женщины в семье регулируется мусульманской религией. В семье власть и авторитет мужского пола—или отца, или брата. Полное игнорирование воли женщин. По обычаю, сватовство и брак на основе купли и продажи и многоженство. Передача женщин после смерти мужа по родственной линии, т. е. родителям мужа.

Октябрьская революция внесла в хозяйство и в быт казаков большие изменения. В настоящее время казакское население начало переходить к массовому развитию сельского хозяйства.

Форма ведения сельского хозяйства изменена. Основное занятие казаков—скотоводство потеряло прежнее значение. Наблюдается заметное уменьшение всех видов скота, увеличение земледелия. Политическая власть в корне изменена, но положение женщины почти прежнее. Старые обычаи, которые ставили женщину в унижительное положение в семье и в государстве, не изменились. В индивидуальной беседе с казачками о браке, разводе и многоженстве одна казачка спрашивает: к кому обращаться в тех случаях, если муж беспощадно бьет свою трудолюбивую жену? Нет ли на это какого-нибудь нового закона? Мои ответы на их вопросы такого характера удивляли их до того, что перестали даже верить мне: „Не может быть. Если существуют такие законы, про какие сейчас ты говоришь, наверное, это для православных женщин; для мусульманских вообще.—в частности, для казачских женщин, такие законы равенства вряд ли будут“.

Другая спрашивает: „Я слышала, что одна татарка в другом районе выгнала из дома своего мужа за то, что он плохой хозяйственник, мало того, еще, говорят, бил свою жену. Я никак в это не верю. Если это на самом деле так, как мне поступать с подобным мужем?“

„Когда поедешь в Омск, скажи, чтобы послали нам женщину, знакомую с новыми законами соввласти, пусть учат нас этому“. Интересовала их моя национальность. Когда узнали, что я башкирка, росла почти в такой же среде, в какой сейчас они находятся, заблестели черные, масляные глаза казачек, злые, недоверчивые отношения сменились более благоприятными. Стали относиться более добросовестно и искренно. Очевидно, казаки и казачки больше доверяют и больше верят тем, кто им близок и родственен. Впрочем, очень они не любят татар, но почему, никак мне не удалось выяснить.

Одна девушка говорит: „Однако, ты тоже такой же человек, какие мы, ничем не лучше нас и ничем не отличаешься от нас. Была бы грамотная, не жила бы в городе, а работала среди казачек. Как тебе не стыдно все время жить только для себя (буквальные слова казачки). Вы же, говорите, для народа живете, а сама не хочешь для нас остаться здесь. Учишься только для себя, а когда же будешь жить для народа? Довольно, что знаешь, оставайся здесь и будешь учить нас тому, что знаешь сама. Или возьми меня с собою в город, ты будешь

меня учить грамоте, а я тебе буду помогать в другом, чем могу. Сама бы поехала, да дорогу не знаю и боюсь, что не найду себе приюта среди грамотных людей”.

Что касается просвещения, т.е. учебы детей, то положение очень печальное.

По всему Борисовскому району центром культуры является аул Терек 1-го аулсовета. Здесь школа 1-й ступени, где обучается 47 человек. Из них 7 человек женщин, 40 чел. мужчин.

По возрастному составу очень неравные. Обучаются от 8 до 16-летнего возраста.

Преподается по-казакски и по-русски. Здание, которое занято школой, далеко негигиенично. Комнатка—класс, где помещается 47 чел., по объему очень маленькая, низкая, окна маленькие и в недостаточном количестве.

Мне удалось просмотреть работы учащихся. Наблюдается у казакских детей склонность к математике. Работы по арифметике выполнены с большим успехом, большинство выполнено вполне удовлетворительно. Написано чисто, аккуратно. Цифры ровные, красивые. В беседе с учителем выяснилось, что имеется склонность к художеству. Независимо от того, что по русскому языку плохо успевают, почерки довольно ровные. Преподается по комплексному методу.

Схемы, рисунки, выполненные учащимися 1-ой и 2-ой группы, можно даже сказать, очень хороши. Из рассказа учителя видно, что родители детям не разрешают заниматься рисованием, не дают своим детям выполнять домашние задания, исходя из религиозных соображений.

По закону корана, заниматься мусульманину изображением кого-нибудь или чего-нибудь не разрешается. Неподчиняющиеся закону корана при смерти будут подвержены наказанию ангелов смерти.

Выписывается 3—4 газеты.

При заполнении похозяйственного бланка выяснилось, что в этом ауле встречаются даже грамотные женщины. Есть несколько человек комсомольцев, но никаких политико-воспитательных работ не ведется. Ни в советской, ни в партийной работе комсомольцы участия не принимают, в культурном отношении от рядовых ребят ничем не отличаются.

Игры, более распространенные среди казакской молодежи, удовлетворяют и комсомольцев. В пределах казакского обычая существуют игры разные. По казакскому обычаю, ребятам и девушкам проводить вместе время не разрешается.

Вечера организуются молодыми невестами, при отсутствии взрослых хозяев и хозяек. У новобрачных казаков зачастую (раньше без исключения было, а теперь только у более зажиточной части населения) бывает особая юрта, подаренная отцом молодой невесты, называется она „ату уй“, обычно бывает убрана довольно прилично, как будто бы приспособлена для помещения гостей, имеющих привычку собираться в определенное время года, приятно это для хозяина или нет. В одной половине юрты помещается громадная деревянная кровать с постелью, загроможденная перинами. На стене прибит национальный ковер. Зеркальце с висящим над ним пестрым национальным полотенцем для большей „эффектности“. Шкаф, в котором помещаются, помимо необходимой посуды, костюмы и обувь новобрачных.

В такой приятно убранной юрте собираются черноглазые казачки в своих нарядных костюмах, кругом по подолу обшитых монетами,

кривонogie от постоянной верховой езды казаки-парни с маслянистыми беглоблестящими, как смола, черными глазами.

На вечере, по возможности, стараются говорить стихами. Бывает так: садится кругом юрты вся молодежь, ноги под себя калачиком, и начинают говорить комплименты девушкам. Девушки отвечают тем же. Организатором игр является хозяйка дома.

По ее намекам, т.-е. разрешению начинает игру один из парней. Парень, обращаясь песнями, подзывает к себе любимую свою девушку, начинает говорить комплименты.

Содержание песен приблизительно заключается в следующем: „Я выбрал тебя, самую ко мне благорасположенную, способную отвечать на мой вызов. Если я ошибся в своем, не достоин тебя, то прошу извинения, страдаю по тебе, без тебя моя жизнь темна, струнки моей души не дают правильного полного аккорда, ты являешься нотой для струны моей души, моего сердца и т. д.“ Их музыкальный инструмент носит название „думбры“. После этого девушка, по адресу которой говорится, встает и выходит на простор и очень ловко должна поворачиваться, при чем к парню так, чтобы парень не успел ударить ее по плечу. Парень тоже с такой же ловкостью должен бросать полотенцем, чтобы успеть задеть по плечу девушки. Если ему удается, то он остается победителем, девушка побежденной, он имеет право поцеловать ее в губы. Когда целуются, роль организатора — закрыть их широким национальным полотенцем, так как при людях целоваться не принято, считается неприличным.

Отношение отдельных групп к обследованию.

До сих пор еще среди казакского населения чувствуется недоверчивое отношение к советской власти. Причиной такого отношения является политика в период 1919—23 годов по отношению к отдельным (мощным) казакским хозяйствам при распределении продразверстки, продналога, „самообложения“ и проч. В некоторых аулах на наше обследование смотрели, как на контроль над их хозяйством с целью выявления объектов обложения. Были попытки дать неправильные сведения о состоянии своего хозяйства, о посевах, о скоте, об аренде и пр. Такие явления наблюдались во всех аулах без исключения, особенно со стороны зажиточной части населения. В таких случаях приходили нам на помощь местные комсомольские организации и отдельные комсомольцы. Более точные сведения давались бедными и средними крестьянами аула. Разяснять, что наше обследование — подготовительная работа для проведения землеустройства, удавалось очень трудно. Полученные сведения иногда давали неудовлетворительные результаты, вследствие чего приходилось производить обследование снова.

В первом, например, аулсовете в ауле Аксары население аула отказалось дать сведения. Причиной является то, что в 1925 г. граница между Сибкраем и Кирккраем была проведена на севере четырех аулов: Аксары, Таргыл-буки, Джу-мабай и Коте-чулак. Летом этого же года все четыре аула, названные выше, кочевали на джей-ляд к болоту Тулок. К тому же болоту кочевали еще четыре аула, которые остались сейчас в Кирккрае. Таким образом, на джей-ляд съезжалось восемь аулов — родовая община.

Среди лета на джей-ляд приезжает комиссия в составе представителей от Омгубисполкома и Петропавловского с целью установления новой границы между Сибкраем и Кирккраем, южнее болота Тулок. Население джей-ляд заявляло протест, особенно южные четыре

аула, так как от них отрезалось болото и часть пастбищных угодий. Тогда комиссия предложила добровольно сойтись в отношении угодий и согласиться с проведением границы к болоту, чтобы тем и другим можно было выезжать на летовку. С новым проектом опять не согласились, а предложили свой проект, что все восемь аулов пусть остаются в Кирккрае или Сибкрае, так как их связывают родственные чувства и общее пользование угодиями. Комиссия уехала, не разрешив окончательно вопроса. Осенью 1925 г. приезжает землемер и устанавливает границу по установленному комиссией проекту. После того пошла путаница. В административном отношении аулы остаются в подчинении Петропавловску, а налоги сдавались в Омский округ.

После того начались в аулах частые собрания, недовольство. Казаки говорят: „Нам бы хотелось остаться в распоряжении Кирккрая, потому что там наша республика, где во всех учреждениях наши люди, свои киргизы. Население наше гораздо охотнее идет к своим со всякими жалобами, чем к русским“.

Зимой 1926 г. приезжают одновременно учетчики из Омска и из Петропавловска. В разговор население с учетчиками не вступало, якобы, они сами переговаривались между собой. В аулах эту работу вперед провели из Петропавловска, а когда приехали из Борисовского рика Омского округа, то население им отказало. Вот, исходя из таких недоразумений, население Аксары не захотело дать нам сведений и скрывает количество посева, скота и т. д.

Гайсина.

ОМСКИЕ „ПРАВОНАРУШИТЕЛИ“.

(Обследования, произведенные в связи с разбором рассказа Сейфуллиной).

1. Быт современных беспризорников.

При проработке „Правонарушителей“ Сейфуллиной, Н. П. Лепорским дано было задание группе: „Познакомиться с бытом беспризорников, путем личной с ними беседы“. Так как я живу в Ново-Омске, а поэтому ежедневно бываю на вокзале и ветке пригородного сообщения Куломзино—Омск-вокзал—Омск-город, мне было поручено т. Лепорским выполнить данное задание. Как известно, в настоящее время все вокзалы—центры стечения массы беспризорников, чем не обижен и наш Омск-вокзал.

Все, вероятно, видели грязных, в оборванных, иногда не прикрывающих тела лохмотьях, по которым свершают нескончаемые рейсы мириады вшей, „малолетних нарушителей“. Видели многие, если не все, но редко кто решался с ними поговорить „по душам“. Чаще всего при виде грязного беспризорника или снисходительно улыбаются, или с мещанским отвращением спешат уйти прочь.

Все, что я знал о беспризорниках ранее и что узнал из личной беседы с ними теперь, я хочу вкратце рассказать.

Среди себе подобных, беспризорник существует только под кличкой. Часто беспризорник своей фамилии не знает, а если знает, то почему-то старается ее скрыть от товарищей.

В большинстве случаев это—народ бывалый, проехавший много городов. Перед вами 15-тилетний мальчик, а он с важностью большого человека расскажет вам, откуда и почему он сбежал от родных. Чаще—сироты, родители которых умерли в период голодного времени или свирепствовавших эпидемий холеры и тифов.

Есть и такие, которые сбегали из-под теплого крова родителей только потому, что родительская власть слишком уже тяжела стала. Предпочитают быть полуголодными, грязными и вшивыми, зато вольными, нежели сытыми ежедневно и с обеспеченным человеческим жилищем на ночь, но в зависимости от кого-либо.

Те, которые „бродят“ 3—4 года, успели побывать в детдомах, колониях и деткоммунах. Многие из „старичков“ или совсем отмахиваются от вышеназванных мест пребывания или, в крайнем случае, согласны там провести только зиму. Есть и такие, которые не прочь попасть в детдом, но „не берут“.

Питание добывают, главным образом, попрошайничеством, или „зарабатывают“ на песнях, распеваемых ими ожидающей поезда публике.

Но горе зазевавшемуся пассажиру! Все, что можно в таком случае взять, не беспокойтесь, уташат за милую душу. Кто курс держит на „ширмача“, тот старается иметь подходящих товарищей. Есть и такие, которые уз товарищества не признают. Каждый малыш, попадающий в общество беспризорников, прежде всего начинает курить. Это — первое начинание. Нет беспризорника не курящего, как будто они подчиняются лозунгу: „Тот не беспризорник, кто не курит“. Вслед за курением табака начинается употребление возбуждающих средств, в том числе и наши. Дальше в лес—больше дров. Чем больше у беспризорника „стаж“, тем шире у него поле деятельности.

Вслед за нашей беспризорник начинает прибегать к пользованию вином и женщинами. К этому времени он считает себя вполне взрослым, имеющим право пользоваться всеми благами.

А если вы спросите, сколько же лет этому „пожилому“ человеку, то он с гордым видом и с запрокинутой назад головой скажет: 15—16 лет. По-моему, он имеет право „гордиться“, ибо, действительно, он многое видел, многое испытал.

Как и у всех людей, у беспризорников тоже бывает свободное от „работы“ время. Беспризорников не приходится учить, как полезнее и интереснее проводить свободное время. У них свои условия жизни, свои и развлечения.

Нигде без верховодов ничего не делается. Так и у беспризорников имеются для начинания всяких развлечений люди, о которых они говорят: „Пустяк блатной баклан“.

Для того, чтобы ознакомиться, какого рода развлечения они имеют, зайдем на несколько минут в вагон, в котором они живут.

Если вы ранее не знали, что это за вагон, то при входе в него вы будете поражены увиденным.

От дыма в вагоне зеленоватый сумрак. Гул голосов пока еще невидимых людей. Потом увидите несколько десятков грязных и оборванных людей. Вы увидите, что подобными оборванцами заняты все места в вагоне, как наверху, так и внизу. Но что они делают? Подойдем к первой группе. Человек шесть сидят и „лакшат“ в пресловутое очко. В „банке“ лежат медные и серебряные монеты, штаны и шапка. Видно, давно играют: лица усталые и серьезные. Внимательно и с каким то остервенением играют. Быть кому-то без штанов и шапки!

Над чем это в следующем отделении так смеются? Скорее — туда. Оказывается, какого-то простака „на бога“ взяли. Посадили парня на пол, велели ему согнуть колени так, чтобы они касались плеч. Затем руками, связанными бичевой в кистях, велят обхватить согнутые колени. Между руками и коленями проталкивают палку. Все это объект продельывает вполне добровольно, даже с надеждой на прибыль. Дело в том, что когда хотят это проделать с неопытным, то прежде поспорят,

что в вышеуказанном положении с чашечек колен никто не достанет, ну, хотя, пачку папирос. А когда добровольно вызывающегося свяжут и просунут палку, то, разумеется, ничего не кладут, а даже начинают над ним издеваться.

В таком положении (связанного) кладут во всяких позах, и сам он шевельнуться не может. Когда связанный видит, что он обманут, у него появляется вполне справедливыи гнев, но это не помогает: его не развязывают. Начинает просить, обещать и т. д.

А в это время куча оборванцев стоит и дико хохочет.

А вот еще азартная игра. В эту игру убивают время преимущественно „лощи“. Выбирают гладкую поверхность лавки, углем начертят круг. Затем участники—их 2—3 человека—извлекают из лохмотьев по одному быстро бегающему животному (выбирают, наверное, наудалую или руководствуются инстинктом. А, может быть, приметы есть) и пускают их вместе на середину круга. Не иначе, как ипподром устраивают,—спросите вы. Угадали. Самый настоящий, и даже с пари. Чей бегунец из круга выберется первый, тот и выиграет пари.

И еще один способ развлечения беспризорников. Тоже новичков „на бога“ берут. Выбирается дядюшка покрепче, весь исход игры будет зависеть от его ловкости. Вновь появившемуся связывают ноги повыше ступней и, как хомут, одевают через голову на шею первому. Получается как бы животное четырехное, только не определить, в какую эру существовавшее. Внимание. Тронулось допотопное животное, шагает тяжелой поступью, и передние и задние ноги работают исправно. Но что это. У стоявшего вертикально как нарочно, начинают спускаться брюки... И в довершение бед, основа допотопного животного спотыкается и садится прямо на лицо новичку и просидит минуты 3—4. И опять рваная, может быть, полуголодная, толпа хохочет.

Вот типичные развлечения беспризорников. По их словам, они довольны подобными сценами.

Не забудьте, что мы находимся в вагоне, а чтобы два раза сюда не ходить, осмотритесь еще кругом. Видите, на верхних полках какое-то оживление. Это товарообмен в полном разгаре. Там можете приобрести портянки, рваные да и разные башмаки, ну, словом, если вам нужны атрибуты беспризорника, можете за дешевую цену купить.

Так „живут“ изо-дня в день обездоленные люди, люди без будущего.

Но, что удивительно, так это то, что большинство довольны подобной жизнью. „А к чему нам в детдом, если и тут хорошо?“ так говорят некоторые из них. Говорят, что из детдомов бегут, от родителей бегут,—имею факты. Что же детей тянет бродить?

У нас, в Ново-Омске, хорошего мастера—слесаря-механика сын 14-ти лет бродит по ночлежкам и ведет жизнь, как и сотни других беспризорников. Зачем он убежал? Неужели жизнь беспризорника так интересна? Я бы не сказал.

С. Корешков.

2. Их жизнь в настоящее время.

В связи с проработкой рассказа Сейфуллиной „Правонарушители“, нам было поручено сходить в деткоммуну „Путь к труду“, ознакомиться с современной жизнью „правонарушителей“.

5/II, после занятий, пообедав, мы направились в данную деткоммуну. Придя туда, мы прежде всего вступили в разговор с заведывающим этой коммуной, рассказали ему о целях нашего посещения и кое-что расспросили о детях.

Детей в данной коммуне 96 человек. Все мальчики. Набраны они с улицы (беспризорники) и часть из детдомов, которые не подчинялись никакой дисциплине и не хотели учиться.

Ни воспитателей, ни уборщиц в коммуне нет. Сами дети устанавливают дежурство и звеньями дежурят. За плохое отношение к дежурству пишут в стенгазету карикатуры; например, нам пришлось видеть карикатуры ребят, которые сварили плохой обед.

При коммуне имеются три мастерские: столярная, сапожная и игрушечная. Из слов заведывающего и самих ребят видно, что ребята в мастерских работают хорошо.

Сделанные ими вещи сдаются в ЦРК.

Дети с интересом рассказывали, что они хорошо научились столярить. Особенно Гришка гордился мавзолеем Ленина, который он сам сделал. У них имеется целая коллекция очень красивых игрушек, сделанных самими ребятами.

При коммуне существует несколько кружков: шахматный, художественный, рабкоровский, кружок физкультуры, участие в котором для всех ребят обязательно. Кружками руководят студенты мединститута и представители горсовета.

Во время нашего пребывания было занятие шахматного кружка, и, как видно, ребята заинтересованы работой кружка. Да и инструктор подтвердил, что ребята охотно работают в кружках.

Стенгазета выпускается у них ежемесячно. Это говорили сами ребята. Просматривая стенгазету, пришлось обратить внимание на то, что ребята до некоторой степени осведомлены о международном положении. Много карикатур: на плохое отношение к работе в мастерских, к дежурству по кухне, на плохое мытье полов и т. д., помещены карикатуры на Чан Кай-ши, Чжан Цзо-лина и других врагов рабочего класса. Мы спрашивали ребят, кто это такой Чан Кай-ши и Чжан Цзо-лин. Ребята охотно и твердо отвечали, что это предатели китайских рабочих. Работа художественного кружка резко выражена в стенгазете, так что газета похожа на картину.

Каждую неделю ребята устраивают вечера. Подготавливают пьесы, декламации и т. д.

У них имеется зал, где они проводят вечера и игры. Игры, как говорил один из руководителей кружка, ребята любят самые подвижные.

При коммуне имеется школа первой ступени. Окончившие первую ступень учатся в семилетке. Некоторые ребята спрашивали, нельзя ли будет поступить учиться в рабфак. В одной из спален мы с полчаса по-товарищески беседовали с ребятами. Они рассказывали свои биографии и удачные случаи краж. Много слов в их речи для нас было непонятно, но мы просили ребят, чтобы они нам пояснили, что означают эти слова. Ребята охотно разъясняли и также охотно употребляли далее свой особый разговор.

16-тилетний мальчик Леонид Рейсов при помощи всевозможных жестов рассказал нам из своего прошлого следующее:

„Во время голода, вместе с родителями я из Самары приехал в Сибирь. Через некоторое время мать и отец „задрали ноги“ (умерли). Оставшись один, я начал бродить по барахолкам, по станциям. Затем набрал себе таких же товарищей. Уж здесь то и развернулась наша ширмацкая жизнь. Тырили калоши, шубы в школах, обрезали сумочки у барышень в шляпках, ловили девчат и проделывали над ними, что нужно.

Много городов я об'ехал. Мне вот шестнадцатый год, а я больше парня городского знаю о женщинах.

Сейчас тоже на табачишко иногда отрежешь сумочку у какой-нибудь мадмазельки-стрекозельки. Хочется курить. Привычка. На вопрос, нравится ли ему в деткоммуне, отвечал: „Да, ничего, а если бы было плохо, то давно бы прожектор вставил и подался отсюда“. Так же и другие ребята с удовольствием рассказывали свое прошлое.

Есть такие ребята, у которых есть в живых родители. Такие ребята на наш вопрос, почему они не живут с родителями, отвечали, что родители у них очень злые, нехорошие и очень дерутся. Но большинство из них не имеет родителей. У некоторых убиты отцы в германскую войну, некоторые умерли во время голода.

„Постельные принадлежности у нас на 100%, белье меняют каждую неделю, недостаток тот, что в спальнях и мастерских у нас холодно. Дадут три полена дров, и натопи ими, чтобы тепло было“.

Главное, что им нравится, это то, что они самостоятельно работают по чертежам. „Дадут нам чертеж, и мы по нему сами работаем. Хорошо“. Охраны там никакой нет. Но разрешают им гулять по улицам только по воскресеньям. Случаев побега из деткоммуны мало. Один только украл в мастерской несколько инструментов и скрылся. Некоторые ребята, научились работать, ушли на производство. Некоторые ребята убежали, но, поколотив дня два-три по улицам, обратно возвращались. „Дурь какая-то вошла в голову, и убежал было. Потом вернулся“, говорил один из бежавших.

Есть ребята там и в 18-19-летнем возрасте, но по виду им нельзя дать больше 14—15 лет. Все они небольшие ростом.

Все у них делается по звонку. За нарушение дисциплины—если кто вне очереди садится за обед или хочет вне очереди умываться, друг друга сами колотят.

Покшеванова. Подмарьнова.

Воспитание рабфаковца.

Даваемое в настоящее время на рабфаке студенчеству воспитание неразрывно связано с теми запросами страны, которые наметились в наши дни, когда советское государство приступило к переустройству двух основных двигателей развития союза: промышленности и сельского х-ва.

Из лозунга „Индустриализация страны“ необходимо вытекает понятие о времени и масштабе работы, выполнение которой есть вопрос не только злободневно острый, требующий больших усилий, но и определяющий будущее пролетарской диктатуры.

Такое положение страны, отражаясь в каждой мелочи жизни Союза, вносит и в наш рабфаковский коллектив большие изменения, одним из которых можно считать реформу или переход на 4-хгодичный срок обучения.

Цель реформы—поднятие квалификации студента, но это не значит, что на один добавленный год можно опереться, как на такое средство для повышения знаний, к которому ничего нельзя добавить из наших огромных возможностей.

На этом вопросе и нужно заострить внимание.

Степень подготовленности раб-ца определяется тремя основными формами работы, на которых надо остановиться, указав отдельно их общее значение в системе воспитания и их внутреннее содержание.

Базисом подготовки можно считать академику, т.-е. пучок дисциплин, входящих в учебный план, за выполнением которого следит президиум рабфака, но необходимо, кроме того, чтобы каждый студент стремился взять из него максимум.

Вспомогательными формами, но глубоко важными, являются общественная работа и самообразование.

Первая из них для рабфаковца необходима безоговорочно, и цель ее научить студента быть общественником, а в будущем связать воедино ученого спеца и общественного работника, т.-е. не дать ему оторваться от массы.

Этого требует от р-ца пролетарское государство, и если еще слышатся голоса о прекращении общественной работы, как „тормоза академической успеваемости“, то это, по меньшей мере, непонимание того, чем должен быть раб-ц: кабинетным мудрецом или спецом-общественником.

Ценнейшим подспорьем к учебе является самообразование. Работа по самообразованию должна быть использована: а) на заполнение программных пробелов; б) как первые попытки работать и разбираться в интересующих студента вопросах „самостоятельно“; в) как сознательная подготовка для дальнейшего продвижения по учебе. Самообразование должно охватить всех рабфаковцев, т. к. это тоже повышение квалификации, но я боюсь сказать, что в этой области работает 30—40% нашего коллектива. Теперь еще необходимо остановиться на темпе работы, изворотливости и приспособляемости.

Наш коллектив богат людьми опыта, и мы почти всегда намечаем правильные пути продвижения вперед, но мы не совсем хорошо умеем проводить намеченное в жизнь, делаем это вяло, не гибко, а иногда забываем про намеченное, ограничившись газетой или трибуной, не проводя в жизнь. Это плохо.

Надо поменьше увязок, согласований, резолюций и побольше кусочков практической работы, каким бы боком она ни помогала коллективу в проведении намеченной цели—дать в ближайшие годы крепко спаянного с бытом спеца, вооруженного знанием и умением работать, не проводя границ между научной и общественной работой.

Для этого надо: а) перекроить бюджет времени студента; б) опоздавших на собрания также не пускать, как и опоздавших на лекции; в) точно установить характер и количество материала, даваемого на дом преподавателями; г) жестко установить число обязанностей и число часов на общественную работу, делая отклонения только по необходимости и в исключительных случаях; д) обратить внимание на самообразование, считая его обязательным для всех рабфаковцев и в особенности для студентов, имеющих неудовлетворительное общее развитие; е) считать выписку одной газеты для каждого студента, как принцип, обязательной. Вот те предложения, проведение которых в жизнь в самое ближайшее время поднимет производительность, общественные работы, научит студента работать по часам, а в общем даст тот толчок для повышения квалификации студента, который так чувствительно необходим в наших условиях.

П. Логвиненко.

О самообразовательной работе студентов.

На методическом совещании Рабфака от 31/VIII 27 г. принципиально был решен вопрос о необходимости внести плановость в домашнее чтение студентов. Для этой цели при учебной части Р. Ф.

было организовано ведающее этим вопросом бюро, змененное потом уполномоченным по самообразованию. Было предположение, что в первое полугодие процесс работы по самообразованию будет идти таким порядком: предметные комиссии и отдельные преподаватели выработают темы (вопросы) с приложением списка литературы, в котором будет указан автор, название его работы, число страниц и основные вопросы его труда. Работа по самообразованию, рассчитанная исключительно на внеурочное время, будет строится на добровольных началах. Думали, что работа студенчества будет охватываться главным образом: 1) учебные предметы (расширение и углубление отдельных вопросов), 2) практику добровольных обществ, 3) вопросы клубной и вообще проф. работы, 4) вопросы ком-этики и морали. Конечно, если студент пожелал бы выработать свой проект чтения (свою тему), он мог включать в этот проект книги не только рекомендованные преподавателями и библиотекой, но и по своему личному усмотрению. Во всяком случае, студент должен наметить себе на определенный отрезок времени (например, на 1-ое полугодие) проработку определенной темы, при чем самообразование может идти не только в индивидуальном, но и групповом порядке (коллективная проработка темы). В каждой учебной группе курса избираются особые уполномоченные, которые собирают проекты чтений к определенному сроку для просмотра бюро (или уполномоченным) с целью согласования и рекомендации, затем проекты возвращаются обратно для выполнения. В процессе выполнения проекта, в случае непонимания студентом какого-либо отдела, места в книге, вопроса, или возникновении у студента в связи с прорабатываемым материалом вопросов, ответа на которые он не находит в имеющейся у него на руках литературе, консультация (советы, ответы на вопросы и т. д.) осуществляется или отдельным преподавателем-специалистом или бюро. Вопросы могут быть заданы преподавателю устно или в письменном виде (более сложные). Выполненные проекты поступают в бюро для сводки. Таковы были предположения.

Работа бюро по самообразованию началась после Октябрьских торжеств. Были выработаны темы, выбраны уполномоченные. В результате проведенной с уполномоченными конференции записалось в начале ноября 100 студентов (20%). Во второй половине ноября, при помощи уполномоченных, была проведена работа по выяснению фактически работающих и заполняющих проекты. Картина получалась следующая.

Записалось	Фактически работало	Отстало	Причина прекращения
III курс 20	12	8	Недостаток времени
II курс 46	27	19	
I курс 23	11	12	
Каз.-вир. отд. 11	2	9	
<u>100</u>	<u>52,11%</u>	<u>48</u>	

Удалось выяснить, что работа велась главным образом по литературе и обществоведению (более 50%), затем по математике, физике, радиотехнике, биологии и текущей политике (XV съезд). С момента получения распоряжения о переходе Р. Ф. на 4-хгодичный курс самообразовательная работа начинает глохнуть. Несмотря на двухкратное предложение групповым уполномоченным, собрать проекты перед каникулами не удалось. А после каникул, когда произошла перетасовка студентов и образование групп с 3-х и 4-хлетним сроком обучения, попытка собрать проекты также кончилась ничем (собрано

18 проектов). Работа, безусловно, велась, но учесть эту работу для дальнейшего руководства ею не удалось. Причины: прежде всего те широкие задачи и темы, которые были выдвинуты и большая нагрузка по учебной линии. Затем сюда присоединились: 1) неумение студентов рационально использовать свое время; 2) неправильное, вследствие недостаточного разъяснения групповыми уполномоченными, представление о самообразовательной работе у массы; 3) недостаточная активность групповых уполномоченных; 4) переход на 4-летний курс обучения. Во втором полугодии, в связи с переходом на 4-летний курс и необходимостью поднять выше развитие студента, признано уч. частью необходимым домашнюю работу считать обязательной, предоставляя свободу выбора тем и книг. Кроме этого, взять эту работу под учет, руководя ею через уполномоченного по самообразованию. Обязать каждого студента давать краткий отчет по выработанной форме о каждой прочитанной книге и проработанной теме. Предметным комиссиям составить списки тем и книг, применяясь к омам условиям, проводить ежемесячно конференции групповых уполномоченных и усилить вопросную систему введением для групповых уполномоченных дневников, куда они обязаны записывать возникающие у студентов в связи с занятиями и их жизнью вопросы, потребность в литературе и т. п. На самообразовательную работу из общего бюджета времени отвести на I к.—3 часа, на II и III-м по 2 часа в неделю.

Лепорский.

ИСКРИВЛЕНИЯ В НАШЕМ БЫТУ.

I. Неоднородность нашего коллектива.

Сказать, что рабфаковский студенческий коллектив состоит исключительно из представителей наших двух основных классов—рабочих и крестьян, еще ничего не сказать.

Прежде всего, и сами эти классы в целом далеко не однородны; ряд экономических и других факторов производят в нашем Союзе определенные социальные сдвиги, характерные, именно, для каждого данного определенного момента; при приеме на рабфак могут и должны отразиться как проводимый на местах отбор, так и тот отбор, который проводится в самом рабфаке; не говоря о неоднородности студенческого состава отдельных курсов, определяемой разной степенью подготовки, полученной уже на Р. Ф., неоднородность по уровню развития наблюдается и на каждом данном курсе, как по линии предварительной, дорабфаковской подготовки, так и по линии сравнительной отсталости представителей некоторых национальностей; то же самое—женщин.

Вопрос о неоднородности нашего коллектива, по существу, есть вопрос о внутрирабфаковской борьбе различных идеологий, привычек, систем быта в целом, и в этом смысле необходимо учитывать и разнородность преподавательского состава с их идеологией.

Эта внутрирабфаковская борьба различных идеологий, находясь под воздействием и внешних факторов (хотя бы в лице упомянутых уже выше социальных сдвигов), протекает в порядке воздействия всех и на всех, где каждый переживает процесс своей личной эволюции, ошибаясь сознательно и бессознательно, совершенствуясь и разлагаясь, разлагая других.

Однако, весь этот процесс, называемый педагогическим процессом, не является стихийным, он соответствующим образом органи-

зуется искусственно создаваемой средой, как учебно-воспитательными органами, так и студенческими организациями и, именно, в соответствии со стоящей перед рабфаком основной задачей.

Задача эта—сложная и ответственная: давая среднее образование, рабфак является одним из подступов для рабоче-крестьянской молодежи к высшей школе и, кроме того, перед рабфаками стоит задача подготовить в высшую школу такую молодежь, которая бы там в своей массе явилась станвым хребтом, служа делу пролетаризации этой высшей школы (не только в отношении состава, но и всей учебно-воспитательной среды).

Отсюда,—прививка каждому студенту марксистско-ленинских взглядов и закалка в отношении способности активно противостоять чуждым идеологиям внутри данного коллектива и идущим с'извне—является ближайшей и непосредственной задачей, в свете которой должны быть организованы учеба, воспитание, быт и вся педагогическая среда в целом.

На характеристике современного момента с точки зрения происходящих в нашей стране изменений в классовых взаимоотношениях необходимо остановиться особо, и здесь прежде всего придется отметить, что в связи с наблюдающимся безостановочным экономическим ростом имеет место и рост активности всех слоев населения и рост противоречий между некоторыми из них, та*):

1) городской пролетариат растет и сплачивается, вовлекая в свой состав как новые слои из деревни, так и рабочую молодежь, впервые вступающую в производственный процесс;

2) в деревне крепнет кулачество, стремясь к охвату своим влиянием других слоев деревни, но параллельно крепнет и бедняцкая часть деревни, растет ее сознательность и связь со середняком;

3) резко определяется сменовеховство или упадочность городской мелкой буржуазии и, наоборот, все новые и новые кадры советизированной интеллигенции становятся совершенно определенно и искренно в ряды строителей социализма;

4) растут слои и новой буржуазии, стремящейся отвоевать интеллигенцию, молодежь;

5) наконец, на этом общем фоне наблюдается возрастная передвижка молодежи,—в жизнь вступают не знавшие царско-феодалного и буржуазного режима, не видевшие гражданской войны.

Вопрос о молодежи, о руководстве ею и о влиянии на нее особенно важен,—во всех слоях, в любой обстановке, при самых сложных переплетах. Вопрос: „Кто кого?“ остается в полной силе и здесь, и он, этот вопрос, естественно переносится и в наши рабфаковские стены, в нашу среду, при чем разнородность идеологий так часто затушевывается студентами, сознательно не желающими изобличать в себе того, что в них есть противоречащего господствующей у нас идеологии.

Останавливаясь на имеющейся у нас разнородности коллектива, необходимо отметить, что ошибочно допускать мысль о том, что лишь беспартийные студенты подвержены всяческому идеологическим влияниям и их только необходимо воспитывать и перевоспитывать; эта задача лежит и в отношении партийцев и комсомольцев одинаково с беспартийными.

О тех задачах, которые стоят перед партийцами и комсомольцами, ниже будет сказано особо; здесь отметим лишь, что известная

*) См. „Коммунистическое воспитание и задачи педагога“, гл. II. М. П.

разнородность состава как в идеологическом отношении, так и в плоскости бытовых явлений и привычек, имеется и между партиями и между комсомольцами и между теми и другими, при чем те и другие одинаковы (в абсолютном смысле) и несут в себе „ветхого Адама“, и подвергаются внешним влияниям, и поддаются влиянию в ту или другую сторону внутри рабфака, а иногда еще более тщательно скрывают свои те или иные уклоны.

Наконец, чтобы покончить с вопросом о разнородности нашего состава, придется отметить, что в силу особых условий не могут не иметь на себе некоторого специфического оттенка и те из студентов, которые живут на частных квартирах, по сравнению с живущими в общежитии.

Только отдавая себе ясный отчет во всей отмеченной сложности,—именно, в смысле разнородности нашего коллектива, необходимо изучать основные положения комэтики и условия нашего быта, с тем, чтобы, подвергнув анализу наблюдающиеся у нас искривления в быте, наметить правильно методы борьбы с ними, имея перед собой как основную задачу, стоящую перед рабфаком, так и необходимость, в частности, привить каждому закалку, необходимую для активного противодействия всяким чуждым идеологическим влияниям, имеющим начало в „старой правде“, с которой в наш век и в наших условиях ведет борьбу „новая правда“—Ленинская.

Основные положения комэтики и условия нашего быта.

Вопросы комэтики в наших условиях—вопросы воспитания. Вопрос о коммунистическом воспитании—вопрос о воспроизводстве класса, с идеологией и психологией, имеющей в основе научный революционный марксизм в его современном выражении, т.е. ленинизм.

Отсюда, говоря обще, задача коммунистического воспитания—передать опыт борьбы, подготовить к борьбе за мировую революцию, к строительству социализма.

Воспитать в молодежи коммунистов—это значит воспитать в ней такую нравственность и мораль, которые подчинены интересам класса и классовой борьбы пролетариата, преследующей цель уничтожения самих классов, а отсюда нравственно все то, что служит уничтожению эксплуатации и объединению всех трудящихся, имея в виду, что в трех словах задача всякого коммуниста сводится к тому, чтобы: учиться, организовывать и пропагандировать.

С другой стороны, быть коммунистом—это значит отдавать свою работу, силы, знания и способности общему делу для достижения практических успехов, смотря на каждый свой шаг с точки зрения этого успеха.

Учась, организуя и пропагандируя, вскрывать и разяснять элементы чуждых идеологий, борющихся с господствующей идеологией, т.е. кулаческой, сменовеховской, упадочной, нэмпановской, анархонигилистской или „наплевательской“, а отсюда обнаружение, вскрытие и удаление элементов комчванства и хвостовства, нигилизма и безверия, неряшливости во всем и, вообще, некультурности.

Наконец, коммунисту нужна ненависть к буржуазному строю, как сила борьбы с ним.

Ясно, что для такого воспитания одних усладительных речей и правил нравственности недостаточно. При воспитании и перевоспитании необходимо исходить из того, что оставило нам старое общество, и воспитывать не коммунистических начетчиков, не умеющих соединить знания с делом, с борьбой, а развить в воспитуемых спо-

способность к критическому отношению с тем, чтобы в его руках коммунизм превратился в руководство.

Отсюда,—не муштра, а сознательная дисциплина и готовность каждого объединить свои силы с другими для создания единой воли, воли коллектива, класса.

Вот вкратце основные положения комэтики, как нам дал их Ленин. Каковы же условия нашего быта?

Все, что было сказано о неоднородности нашего коллектива, служит ответом и на этот вопрос, но лишь отчасти, а потому данный вопрос придется рассмотреть и в другом разрезе: 1) установив взаимную зависимость цели, условий жизни и учебы и поведения и 2) охарактеризовав самую обстановку на рабфаке.

Материальные и правовые условия существования неразрывно связаны с нашим поведением, а с другой стороны—с теми целями, которые ставит себе та или иная социальная группа,—скажем, наш рабфак—в целом, отдельные группы нашего коллектива и даже отдельные его члены.

Цель взаимодействия состоит, именно, из звеньев: цель—условия поведения, при чем возможно расхождение поведения и условий с целью, и тогда заходит речь о тех или иных ненормальностях.

Цель и задачи, стоящие перед рабфаком, даны нашим пролетарским государством и вытекают из назначения рабфака служить для рабочих и крестьян преддверием в ВУЗ'ы, но достаточно будет оговорить возможность недопонимания со стороны некоторых во всей широте и глубине этих задач, чтобы легко представить себе степень разнообразия в понимании и всей цели взаимодействия цели—условий поведения. В этом отношении достаточно напомнить заявления некоторых рабфаковцев о том, что они пришли в рабфак учиться, а не общественную работу выполнять.

Комплектование рабфака происходит исключительно на добровольных началах, что, казалось бы, подразумевает и добровольное подчинение со стороны каждого поступающего на рабфак его установлениям, являющимся результатом административно-педагогического воздействия, результатом самоорганизации учащихся, результатом взаимодействия этих двух факторов друг на друга. Однако, „свобода“—в смысле „осознанной необходимости“, естественно, не сразу каждому дается, и у некоторых, наоборот, возможен рост протеста, рост чувства стеснения их индивидуальности и т. п.

Что касается материальных условий, то минимум их имеется, но возможно противоречие между ростом потребностей и ростом материальных условий.

Наконец, правовые условия определяются положением в рабфаке каждого, как объекта-субъекта, при чем организация учащихся проводится, именно, с курсом на самостоятельно-активную деятельность всех и каждого, без различия по полу и по другим признакам. Однако для многих данное равенство скажется лишь как формальное в связи с ранее рассмотренной разнородностью приносимых на рабфак идеологий, привычек, воспитанности вообще.

Проверка качества „продукции“ принята в форме выпускных испытаний.

В случае нежелания того или другого студента оставаться в рабфаке, каждый может оставить последний в любой момент, при чем мотивы все одинаково признаются уважительными.

Самая работа рабфаковца, прежде всего, интенсивная и не мыслима без самодисциплины, без самоограничения.

Рабфаковец — строитель социализма не только в будущем, но уже теперь, и теперь уже необходимо ему личную жизнь перестраивать на социалистических, на коллективных началах, шаг за шагом, случай за случаем, учитывая, вместе с тем, и всю сложность и все трудности переходного времени с его моралью — моралью господствующего класса.

Во всяком случае неоспоримо, что в общем и целом задача сводится к тому, чтобы с наименьшей затратой сил и средств добиться максимального успеха и, именно, в интересах пролетарских, являющихся для рабфаковца высшим законом.

Чтобы закончить с вопросом об условиях нашего быта, необходимо отметить еще то, что студенчество у нас живет в большей своей части в одинаковых условиях — в общежитии, а меньшинство — по частным квартирам, где студенчество ближе соприкасается так часто с чуждыми для нас влияниями и потому требует от нас специального внимания.

Искавления в быте и методы борьбы с ними.

Наростание нового быта и новых человеческих отношений идет, несомненно, и в городе и в деревне, рабфак в целом представляет из себя нечто новое, и людской материал, собранный в нем, „укладывается“ в определенные условия, переносит свою борьбу за новый быт в эти последние.

Процесс определения сознания каждого нового члена нашего коллектива в соответствии с новым бытием обычно бывает более или менее длительным, подчас мучительным и иной раз сокровенным и внешне, если можно так выразиться, не искренним.

Для каждого или во всяком случае, для многих, даже при искреннем их желании идти к новому и по новому, так часто предстоят огромные трудности.

Однако, истинных борцов никогда не пугали и не должны пугать трудности, тем более, что каждый, при искреннем желании с его стороны, может рассчитывать на поддержку педагогических наших и студенческих организаций, почти каждого члена нашего коллектива, всего нашего рабфаковского уклада в целом.

Важно, кроме того, то, что выработка коммунистического сознания, коммунистической морали и нравственности, строительство нового быта, говоря вообще, возможны.

„Теперь, — как справедливо отмечает Ярославский, — есть элементы... коммунистического строя... стало быть есть и элементы для выработки новой коммунистической нравственности“.

В наших условиях и в период переживаемого нами переходного времени, как уже отмечалось выше, последняя подчиняется простому, по существу, правилу:

„Интерес пролетариата — высший закон“.

Но, наблюдая ряд моментов из рабфаковской действительности, необходимо признать, что в порядке применения самого закона, в нашей практике наблюдения и ряд искавлений в нашем быте, которые приводится наблюдать и в школе и вне школы и которые можно разделить, примерно, на следующие группы: 1) в порядке антисоциальных поступков вообще, 2) в вопросе об отношении к учебе, 3) в области взаимоотношений с преподавателями, 4) в отношениях с прочими товарищами: студентами, служащими и рабочими рабфака, 5) в области половых взаимоотношений, 6) в разрешении в наших ус-

ловиях проблемы союза рабочих и крестьян и 7) в разрешении национальной проблемы.

1. Антисоциальные поступки вообще.

Наблюдается сознательное недоедание и за такой счет—пьянство, а в результате—условия работы ущемляются, страдает поведение вообще, игнорируется цель.

Сквернословие, оправдываемое обычно пролетарско-заводским „стилем“, от которого, оказывается, этот „стилист“ очень легко отказывается в разговоре с преподавателями.

Кражи у членов коллектива. Эти случаи для рабфака не типичны, но—бывают.

Подлоги—тоже бывают нечасто, и худо здесь то, что у некоторых иной раз свидетелей или пострадавших сказывается склонность делить подлоги на большие, значительные и пустяковые.

Несоблюдение элементарных требований санитарии и гигиены и вообще неряшливость, по поводу которой—несколько замечаний.

Неряшливость может быть: в костюме, в прическе, по части чистоты и опрятности вообще, в речи, в почерке, в поведении, в содержании комнаты, в работе.

Неряшливостью некоторые даже кичатся, прикрывая истинную ее сущность, обычно, даже „левой“ фразой, „унижающим“ других жестом, вызывающей позой, тыканием на свою пролетарскую „сознательную“ принадлежность, отвращением к мещанству.

Неряшливость—или обломовщина и распущенность, или внутренняя пустота и отсталость, или простое хулиганство и, во всяком случае, с пролетарской идеологией и ленинским взглядом на новый быт пролетария ничего общего она не имеет.

Неряшливость всех видов на рабфаке должна встретить решительное осуждение и систематическую с ней борьбу.

Наконец, к этой же группе антисоциальных поступков необходимо отнести потакание ряду неэтических поступков, укрывательство их под флагом товарищества и безразличие к случаям проявления чуждой идеологии.

2. Искривления в поведении в процессе учебы.

Данная группа—значительна и могла бы быть рассредоточена по другим группам, но понятен смысл и выделения данных искривлений в особую группу.

Так, наблюдается насмешливое отношение к слабым по учебе, но много занимающимся („зубрила“...).

Случаи отрицательного отношения мужчин к сильным по учебе женщинам.

Подсказывание и шпаргалки.

Самовольный уход с занятий и непосещение их без достаточно уважительных причин.

Индивидуализм и обособленность при отсутствии желания помочь более слабому.

Недостаточная заинтересованность работой учебно-воспитательных органов.

Противопоставление учебной работы общественной и отход и уклонение от последней.

Погоня за разовой удовлетворительной отметкой преподавателя.

Пренебрежительное и насмешливое отношение к аккуратным в письме, в языке и к „формальным“ требованиям учебного распорядка.

Отрицательное отношение к успевающим в учебе, имеющим сравнительно лучшую подготовку.

Попытки скрыть лень, неподготовленность и отставание товарища.

„Выскакивание“ и саморекламирование („очковтирание“).

Игнорирование суммой формальных знаний.

Наконец,—домашнее чтение без всякой системы.

3. Искривления во взаимоотношениях с преподавателями.

Мы имеем в большинстве случаев „своего“, рабфаковского преподавателя, требующего по праву к себе отношения не только, как „купленному советской властью спецу“, не только, как к хорошему осведомителю по части знаний, а как к своему старшему товарищу, выполняющему чрезвычайно трудную и тяжелую, требующую непрерывного нервного напряжения обязанность педагога.

Во всяком случае, каждый наш преподаватель — накопленный нами и чрезвычайно ценный капитал, который необходимо беречь.

Однако, не всеми и не всегда эта бережливость наблюдается, приходится наблюдать худшие формы махаевщины и во взаимоотношениях между студентами и преподавателями (со стороны первых) скрывается старорежимное противопоставление: „мы“ и „они“, при чем „надуть“ их иные считают чуть ли не за доблесть.

4. Искривления в отношениях:

а) **Между студентами.** Некоторые ненормальности в этом отношении были уже упомянуты в перечне первой и второй группы искривлений. В данную группу придется отнести, прежде всего, индивидуализм и анархизм разных форм и оттенков, как-то: обособленность и замкнутость в личной жизни, нарушение правил внутреннего распорядка, предпочтение общения с мешанами и представителями гнилой интеллигенции, недостаточное внимание к товарищам в периоды их упадочного настроения, жадность и крохоборчество и т. п. качества человека, склонного, пожалуй, использовать иногда силу и преимущества коллектива, но не стремящегося отдать ему себя всецело или даже мешающего коллективной жизни. Сюда же, конечно, относятся и все те, для кого товарищеская дисциплина лишь стеснение и ничего больше.

Наконец,—случаи высокомерного отношения студентов старших курсов к первокурсникам.

б) **Ненормальности в отношениях со служащими и рабочими** также иногда имеют место. Здесь останавливают на себе внимание „мелочи“, но и эти последние говорят о том, что некоторые студенты в справедливых требованиях служащих и рабочих (в порядке сохранения правил внутреннего распорядка) видят не больше, как стеснение их личности, перенося свое неудовольствие по этому поводу непосредственно на данного служащего или рабочего.

Кроме того, наблюдается невнимание к последним тогда, когда студент разбрасывает по полу окурки, бумажки, когда без нужды приводит в беспорядок мебель, когда, скрывая произведенную им порчу или поломку, подводит под ответственность служащего или рабочего, когда, наконец, подсовывает им подложный документ или просто обманывает, ссылаясь на несуществующее распоряжение, так часто повышая тон, бросая по их адресу обидные слова и т. п.

5. Искривления в области половых отношений.

Половая проблема в наших условиях настолько сложна, что требует специального изучения, и здесь мы остановимся,—опять таки лишь в порядке перечня,—именно на тех искривлениях в этом отношении, которые наблюдаются в большей или меньшей степени в нашем быту.

Высокомерное отношение студента к студентке, сопровождаемое использованием ее недоразвитости при отказе поднять ее на борьбу с заложенными в ней элементами рабства.

Циничные рассказы об использованных женщинах и травля устойчивых и неподатливых.

Взгляд на половые отношения, как на „еще одно лишнее удовольствие“ (на время).

Преждевременное пробуждение полового чувства у недоразвитых даже физически девушек, путем так часто прикрывания простого распутства левой фразой о свободной любви, о своем презрении к мещанству в любви.

Обоснование любви, как исключительно биологического явления.

При блудливости в отношениях с женщиной—трусливость перед необходимостью превратиться в отца.

Недостаток борьбы со злостными и незлостными искажителями половых отношений,—с половыми излишествами и распущенностью, за оздоровление потомства, за поддержание женщины против наскоков на нее мещан—недоносков нашего времени.

Сюда же, конечно, необходимо отнести и аборт, в которых повинны и женщины и мужчины, но от которых страдают исключительно женщины.

6. Искажения в разрешении в наших условиях проблемы союза рабочих и крестьян.

Здесь тоже придется, в порядке перечня искажений, указать лишь на некоторые „мелочи“, играющие, однако, в наших условиях определенную роль, а больше остановиться на том, чего нет, что не доделывается в порядке конкретного разрешения данной чрезвычайной важности проблемы.

Наша основная задача (по Ленину) сводится к тому, чтобы доказать крестьянину, что мы ему хотим и можем помочь, а между тем, у нас бывают случаи, когда к нему подходят с оценкой, и в учебе, и в общественной работе,—не учитывая его относительной отсталости, нет должного иногда внимания к искоренению его крестьянской идеологии прямым, так сказать, ударом ставя ее ему в вину.

7. Искажения в разрешении национальной проблемы.

Все, что отмечено в отношении предыдущей проблемы (союза рабочих и крестьян), в полной мере необходимо повторить и здесь, отметив недопустимость проявления в том или другом виде, в тех или иных формах шовинизма, случаи, которые, хотя и редко, все же наблюдаются.

В ы в о д ы.

Помимо того, что все перечисленные искажения в нашем быту требуют к себе полного внимания и всестороннего изучения их как со стороны каждого педагога и всех учебно-воспитательных органов, так и со стороны органов нашей общественности, необходима с ними и против них организованная борьба и борьба каждого активиста в

отдельности,—борьба в виде соответствующих организаций, в виде массовой и индивидуальной пропаганды и агитации.

Возникающих отсюда вопросов, которые, как узловые, казалось бы, неизбежно надо проработать в порядке докладов, лекций и бесед, слишком много, чтобы это удалось сделать, не впадая в параллелизм, не отнимая для собраний больше определенного количества времени.

Эти соображения, очевидно, требуют того, чтобы всеми заинтересованными организациями в самом начале года прорабатывался определенный план всестороннего охвата упомянутых выше узловых вопросов, с одной стороны, и всех отдельных слоев и групп нашего коллектива—с другой.

В этом отношении должны быть использованы не только общие, курсовые и групповые собрания, парткомсомольские собрания, заседания учебно-воспитательных органов и добровольных кружков и обществ, но и учебно-программная работа в классах, как равно и личный пример преподавателя и каждого студента-активиста.

Кроме того, необходим такой же учет и наших достижений в области борьбы нового быта со старым, и здесь всемерно должны быть использованы и наши органы печати, и те же учебно-воспитательные органы.

Вот те основные выводы, к которым приходишь на основании изучения искажений в нашем быту и всех тех вопросов, которые связаны с данной основной темой.

Но, прежде всего, было бы большой ошибкой думать, что у нас с бытом обстоит дело из рук вон плохо в соответствии с тем, именно, длиннейшим перечнем искажений в этом быту, который дан нами выше.

Основной задачей при изложении приходилось считать то, чтобы вся чрезвычайно сложная обстановка борьбы идеологий, взглядов и привычек, борьба нового быта со старым были ясны и могли быть учтены.

М. Постников.

Половой вопрос в среде современной учащейся молодежи.

(ТЕЗИСЫ).

1. Проявляющиеся в современной художественной литературе некоторые взгляды на отношение полов имеют порядочную давность.

2. Любовь в смысле „романтическом“ в глазах нигилиста 60-х годов 19 века—ерунда. (Базаров). Надо ловить счастье на лету, после двух, трех глотков бежать прочь, чтобы не опротивело, и искать другого. Любовь—насушная потребность (теперь—физиологическая потребность).

3. Выйдя из среды, в которой не было никаких традиций, предоставленный собственным силам, обязанный своим положением своим силам и труду,—разночинец стал индивидуалистом и рационалистом, нигилистом. Нигилизм 60-х годов—реакция против мышления, чувствований, действий дворянского общества.

4. Нигилизм послереволюционный (после 1905 г.) возник при другой обстановке. Прежде всего, надо удовлетворять свои естественные желания, хотя бы и злые, целей конечных нет, самые искренние люди—не скрывающие своих вождений—взгляды нигилиста после 1905 г. (Санин). Этот нигилизм появился в момент бегства интелли-

генции от общественного служения в личную жизнь. Он—реакция против политических и этических норм, властвовавших над интеллигенцией в предыдущий период.

5. Современные герои „Без черемухи“, „Луна с правой стороны“, „Собачьего переулка“—красные санинцы, проповедующие половой нигилизм. Любовь они относят к области психологии („романтизм“), признают лишь голую физиологию. Женщина должна оказывать услуги мужчине по-товарищески. Надо удовлетворить инстинкты (желание), раз они естественны: голоден—наешься, желание—бери женщину, требуется парень—бери.

6. По вопросу, существует ли в среде современной учащейся молодежи половая неурядица или нет, в современной публицистической и критической литературе имеются 3 точки зрения: 1) Ионова, решительно утверждающего, что у нас в области половых отношений царство голой физиологии; 2) Корабельникова, отрицающего факт половой неурядицы у молодежи пролетарской и все явления этого рода сваливающего на разложение гибнущих под натиском растущего социализма чуждых революции классов (мелко-буржуазный элемент); 3) Полянского,—примиряющего две первых.

7. Анкеты, проведенные в Свердловском университете в 1922 г., в Московском госуниверситете, доктором Лассом по обследованию 10 ВУЗ'ов Одессы, в Омском рабфаке—в 27 г., Ленинградском техникуме—1926 г. свидетельствуют о том, что взгляд на любовь, как только явление физиологического порядка, у нас насчитывает достаточный процент и что половая неурядица у нас имеется налицо.

8. Теоретически взгляды на любовь, как на чисто физиологическое явление, находят подкрепление в статьях Стратоницкого и Шкотова.

9. Ответ на вопрос, какова же действительность, что скрывается под этими на шумевшими произведениями, дает Троценко в статье „Вузовская молодежь“. Он не признает особой остроты потребности половой жизни у учащихся (студентов), но указывает, что существует и половая неурядица и достаточный процент распущенности, что в психике современной учащейся молодежи имеются отвратительные пережитки периода угнетения женщины, имеются элементы „охотничьего“ отношения к женщине.

10. Причины половой неурядицы, достаточного процента половой распущенности и упадочнических настроений не в распаде чуждых революции классов, а в ломке старого и строительстве нового строя отношений. Корни упадочничества среди молодежи представляют сложную сеть всевозможных факторов: безработица, потеря чувства связи с классом, от которого оторвался для учебы, сложная перегруппировка сил в процессе социалистического строительства, тяжелое материальное положение, невыносимые жилищные условия, бюрократизм, болезненность перехода от физической к умственной работе, ускоренный темп обучения на Р. Ф. и т. д.

11. Легче всего упадочным настроениям подвергается наименее устойчивая часть молодежи (из среды крестьян). Единственное пока лекарство—товарищеская взаимопомощь не только в смысле моральном, но и материальном.

12. Влияние гибнущих классов на развитие упадочности настроений среди пролетарской молодежи просачивается, главным образом, через фронт идеологической борьбы („есенинщина“ и т. д.).

13. Так называемая „новая“ половая жизнь молодежи Ленину кажется разновидностью буржуазного дома терпимости. Ленин отно-

силы отрицательно к теории „стакана воды“, называя ее противосоциальной, не новой и не коммунистической. Несдержанность в половой жизни—буржуазна. Она—признак разложения. Самодисциплина—не рабство, она необходима и в любви.

14. К отношениям мужчины и женщины необходимо подходить не с точки зрения морали, а с точки зрения социальной гигиены.

Борьба с невоздержанностью в половых отношениях не мещанство. Необходимо вести борьбу с ложным пониманием мещанства.

15. Пролетарская революция есть прежде всего пробуждение человеческой личности, пробуждение человечности. Все дело воспитания и образования современной молодежи должно быть воспитанием в ней коммунистической морали. Что революции полезно, то нравственно. Безнравственно все, что ослабляет молодежь, как борцов, ослабляет их волю, подрывает физические силы.

Н. ЛЕПОРСКИЙ.

Сексуальное воспитание на рабфаке.

„Самообладание, самодисциплина не рабство, они необходимы и в любви“ (Ленин).

— „Никакая сторона преподавания не ставит перед личностью учителя такие высокие и трудные задачи, как сексуальная педагогика“ (проф. Тимеринг).

1. Половые отношения на рабфаке.

Там, где в коллективе мужчины пользуются услугами проституток, приводя их даже в общежитие, там, где женщины-члены коллектива считают для себя возможным оставаться в помещении, где в их присутствии совершаются половые акты, где они на половой акт без „черемухи“ сами смотрят, как на физиологически необходимый, регулирующий, якобы, их способность к учебным занятиям акт,—там с вопросом о половых отношениях—неблагополучно.

В такой коллектив пойдет далеко не всякая не только крестьянка, но и работница, а попав в него по неведению должна будет выскочить из него или растлить себя и духовно, и физически с тем, чтобы потом и самой свободно разговаривать с мужчинами об этой „без черемухи“.

Классовое здесь страдает по швам, и, прежде всего, рабфаковка наша не может считать себя свободной.

Вопрос о половых отношениях в наших условиях все еще не теряет своей остроты, и нам, говоря об искривлениях в этой области, приходилось *) отмечать следующее:

Во-первых, наблюдается высокомерное отношение студента к студентке, сопровождаемое иногда использованием ее недоразвитости при отказе поднять ее на борьбу с заложенными в ней элементами рабства.

Обращают на себя внимание случаи циничных рассказов об использованных женщинах и травли устойчивых и неподатливых.

Дальше приходится сталкиваться со взглядом на половые отношения, как на „еще одно лишнее удовольствие“, а на любовь, как на исключительно биологическое явление.

*) „Искривления в нашем быту“ М. П.

Нельзя обойти молчанием и случаи преждевременного пробуждения полового чувства у недоразвитых даже физически девушек путем так частого прикрывания простого распутства „левой“ фразой о свободной любви, о своем презрении к мещанству в любви и т. п.

При блудливости в отношениях с женщиной—трусливость перед необходимостью превратиться в отца и, наконец, чувствуется недостаток борьбы со злостными и незлостными искажителями половых отношений,— с половыми излишествами и распушенностью, за оздоровление потомства, за поддержание женщины против наскоков на нее мещан-недоносков нашего времени, приводящих ее так часто к необдуманному сближению, беременности, абортam, болезням, снижению энергии и учебных успехов, наконец,—к оставлению рабфака.

Никто не будет утверждать, что только всеми описанными моментами определяется состояние половых отношений на рабфаке, но никто также не будет отрицать, что перечисленные явления у нас имеют место, при чем во всех этих случаях больше страдает женщина чем мужчина.

При всем том юношество на рабфака до последнего времени в борьбе за новый быт вообще, и за установление более нормальных половых взаимоотношений в частности, было предоставлено самому себе. Сексуальное воспитание на рабфаке отсутствовало, тогда как никак нельзя не согласиться с профессором Шенихен, который в своем „Введении в биологию размножения“ говорит, что „кто помогает юноше счастливо пройти между угрожающими рифами половой жизни, тот оказывает как отдельному лицу, так и всей стране огромную услугу, так как только здравомыслящие и чувствующие в половом отношении делают дельными членами общества“.

Вместе с тем, необходимо признать, что все те ненормальности, которые приходится наблюдать в половых отношениях на рабфаке, по существу не несут в себе ничего специфически рабфаковского, понять их, это значит понять современное состояние половых отношений вообще.

2. К пониманию современного состояния половых отношений.

Под напором войны и, главным образом, революции старые формы семьи ломаются, как изменяется и весь социальный строй, классовые в стране отношения.

Однако, весь этот процесс идет чрезвычайно медленно и по целому ряду причин: пролетариат—сравнительно отсталый и в меньшинстве еще менее культурная многомиллионная масса крестьян, до крайности пестрый переплет хозяйственных форм и прочее.

Естественно, что в наших условиях вообще можно наблюдать от истинно коммунистических отношений между людьми вообще и между полами в частности, до древних форм родовой мести и других пережитков самой седой старины.

Естественно и то, что личность, порывая под влиянием упомянутых могущественных потрясений с прежними бытовыми, традиционными, церковными и другими, противными для нее, формами и отношениями, свой индивидуальный протест, свое восстание против старины облекает на первых порах в анархические или даже просто разнузданные формы.

И если мы здесь установим анархо-индивидуализм, всех видов „левизну“ и партизанщину с характерными для них подчас разгулом и озорством, то у значительной массы молодежи эти последние ка-

чества окажутся, как простые орудия удовлетворения их чисто эгоистических, вскормленных веками дурных инстинктов и интересов.

В результате—половая неурядица и половая распущенность, дающие образчики крайней уродливости в интересующих нас половых отношениях.

„Для нас важно,—говорит Гусев (в ст. „Какова же наша молодежь“), выяснение соотношения между отдельными частями „пирамиды“,—состоящей из трех „этажей“: базиса (половая неурядица), надстройки (половая распущенность) и вершины (уродливость). Между всеми этими частями существует тесная органическая связь, ибо они вместе составляют нечто целое, единое... Если говорить в философских терминах, то мы имеем здесь переход количества в качество: на известной ступени половая неурядица переходит в половую распущенность, а половая распущенность, в свою очередь, на известной ступени переходит в уродливости или извращения“,—такова внешне форма борьбы новых и старых форм половых отношений, где, с одной стороны, мы наблюдаем лишь гниение и распад, а с другой—создание „новых, здоровых, социалистических половых отношений, которые полностью устранят и половую неурядицу, и половую распущенность, и половые уродливости“.

„Создание высокого типа человека по сравнению с теперешним,—справедливо утверждал К. Каутский—тогда еще последовательный марксист (в ст. „На другой день после социальной революции“),—хотят выставить предварительным условием социалистического общества, но так как капиталистическое общество решительно не в состоянии сделать этого, то это было совершенно неосуществимое условие. Не условием, а результатом социализма является это“.

Но наша твердая уверенность, что из современной ломки половых отношений вырастут новые, вполне здоровые половые отношения, нисколько не освобождает нас от борьбы против половой распущенности, против ложно-свободной любви, против чуждых в этом отношении пролетариату идеологий.

И прежде всего для нас необходимо изучить последние, как своего врага, противопоставив им марксистско-ленинское понимание.

„Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой (отмечает Ленин в своем разговоре с Кларой Цеткин)... Все это касается,—говорит он,—и области половых отношений, брака, семьи. Так называемая „новая половая жизнь“ молодежи,—а часто взрослых,—довольно часто кажется чисто-буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости.

Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем“.

„Меня тоже в связи с этим (продолжает Владимир Ильич, говоря о своем отрицательном отношении к различным архи „левым“ половым теориям) достаточно подозревают в филистерстве. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, не исправляясь“.

3. Различные взгляды на половые отношения.

а) Религиозно-буржуазные взгляды.

Религия всегда служила господствующему классу в качестве орудия подчинения ему классов угнетенных, и жрецы всех религий мирволили всем сильным против слабых, а в том числе и против женщин, устанавливая для последних особую мораль.

Так было, так осталось и в современном классовом обществе, где лицемерие в этом отношении достигло крайних пределов, где буржуазия, устанавливая свои взгляды не взаимоотношения полов, лицемерие и двойственность морали, как и в древности, направляет против женщины.

Религия всех народов и во все времена санкционировала неравенство полов и освящала и благословляла кабальное состояние женщины и деспотическую над нею власть мужчины.

Несколько примеров подтверждают это.

Так, из древне-персидской священной книги зенд-авесты узнаем, что у древних персов отношение к женщине было хуже, чем к собаке.

В индусских законах Ману читаем: „В детстве женщина должна находиться во власти отца, в молодости—во власти мужа, по смерти мужа—во власти сыновей..., близких родственников мужа, ближайших родичей отца или, наконец, под опекой царя“.

Более поздний ислам не принес женщине ничего нового. По корану мужчина может „возделывать своих жен, как ему заблагорассудится: жены—это ваше поле“ (Сура, II, 23); при чем ни одной не следует оставлять „как бы под паром“ (там-же, IV, 128). Все законодательство Магомета обращено к мужчинам.

В древне-еврейской библии жена приравнивается к рабу „волу и всякому скоту“, при чем „досада, стыд и большой срам, если жена будет преобладать над своим мужем“ (кн. Сираха),—от жены начало греха“ (там-же).

Не лучше отзывается о женщине и новый завет, по которому женщина должна сидеть дома, не говорить на собраниях (Тим., II, 12), не спорить с мужем, бояться его (Еф., V, 33) и быть ему верной, повиноваться мужу (Петр, III, 1).

Подобного рода справки можно бы было продолжить до бесконечности, при чем церковь и до наших дней своих взглядов не изменила.

Так, Лютер с библией в руках доказывал, что князья могут иметь несколько жен.

Но наиболее характерным документом, определяющим отношение церкви к половым отношениям, пожалуй, будет следующая выдержка из сочинения учителя церкви Альфонса де-Лигвори, провозглашенного в 1871 г. папой Пием IX святым,—вот эти строки:

„Обязан ли мужчина, обольстивший девушку обещанием жениться на ней, исполнить обещание? Многие отвечают весьма гадательно. Нет,—потому что различие их положения и состояния служит достаточным основанием для сомнения в искренности обещания. Если, несмотря на это, девушка не сомневается в обещании жениться, тем хуже для нее. Мужчина в этом случае не несет ответственности, если даже он клялся, потому что клятва обязывает только в случае ее совпадения с собственным намерением приносящего ее“.

Современные мужчины—евреи еще до сих пор молятся: „Благодарю тебя, господь бог наш, за то, что ты не сотворил меня женщиной“, а христиане продолжают и до сих пор считать только что родившуюся женщину поганой и читают над ней специальные молитвы, а взрослому не пускают в алтарь.

Эти именно взгляды восприняла и буржуазия, прикрывая лишь их словами о равенстве и тем более усиливая лицемерие.

„Лицемерие буржуазной морали,—говорит в своем предисловии к „Сексуальной педагогике“ В. Е. Смирнов,—которым насквозь была

пропитана половая жизнь как взрослых, так и молодежи, привело к установлению ложного взгляда на половую жизнь: последняя рассматривалась, как нечто такое, о чем не говорится в приличном обществе“.

В этом „приличном“ (буржуазном) обществе даже „человек, руководящийся, вообще говоря, в своей жизни самой строгой справедливостью, совершенно забывает благопристойность, забывает свое достоинство и простую честность, как только вмешивается сексуальное чувство. Обращаясь к услугам проституток,—говорит профессор Тиммердинг в своей статье „Педагогические средства школы для сексуального воспитания“,—он смешивается с отбросами человечества. Он лжет и обманывает, чтобы склонить бедную девушку к своим желаниям. К этому присоединяется лицемерие, с которым он скрывает свое поведение, и перед лицом общества исповедует совсем другие принципы, чем те, которым следует в жизни. Эта нравственная беспринципность, с одной стороны, и, с другой стороны, недостойное скрытничанье дают отвратительную картину половой жизни так называемых образованных классов“.

На гнилостно-буржуазной почве, где роль сводни играет между идеологиями различных классов религия, и всевозможные теории половых отношений, под каким бы флагом их авторы не издавали, оказываются каждый раз такими же гнилостными и, по существу—буржуазными:

- а) эротика определяет сознание,
- б) женщина—поле для обсеменения, а мужчина лишь обсеменитель,
- в) все вещи изнашиваются, в том числе и женщина,
- г) образцом должна быть любовь трудовых пчел с их трутнем и т. д., и т. п.

В основе всех этих теорий лежит похоть, похоть мужская, прежде всего, но—похоть прикрытая.

А вот Ионов в своей статье: „Без черемухи“ приводит образчик провозглашения торжествующей похоти,—из литературы итальянского футуризма в лице французской писательницы Валентины де-Сен,—внучки Ламартина *):

„Уничтожим злополучные романтические отрепья, обезлепесточенные маргаритки, дуэты при луне, ложнолицемерный стыд... Надо сделать из похоти произведение искусства. Похоть—это сила“.

И здесь, в этих словах, должны себя узнать те из наших рабфактовцев, которые „гордо и смело“ заявляют, что они никакой другой любви, кроме физиологического влечения одного пола к другому, не признают.

Впрочем, мы имели случай (как нам кажется) слышать идеально-точный по смыслу перевод заявления внучки Ламартина из уст одной крестьянки,—так сказать, правнучки Ломоносова.

Когда она была подвергнута общественному суду за половую распущенность, она заявила: „Я—не аскетка,—монашить не монашу, но и онанизмом не занимаюсь“.

Преимущество данной формулировки лишь в циничной прямоте и упрощенности.

Как противоположность ей (однако, только по внешности), можно будет привести еще одну теорию, о которой упоминает Ленин (в той же его беседе с К. Цеткин).

„Вы, конечно, знаете,—говорит он,—знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления

*) Цитата взята из книги Фриче—„Зап. Европ. литература XX в.“.

и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодежь взбесилась... Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта—марксистская. Спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто... Я считаю,—продолжает Ленин,—знаменитую теорию „стакана воды“ совершенно не марксистской и, сверх того, противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды—действительно дело индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу“.

б) В городе и деревне в отношении взгляда на половые взаимоотношения большой разницы мы не найдем, однако, некоторые особенности, несомненно, есть.

Прежде всего несколько справок о городе и деревне при капиталистических отношениях.

Так, профессор Бляшко (в ст. „Половые болезни и их социальное значение“), говоря о том, что половые болезни обуславливаются более или менее частой сменой объектов полового общения, а их распространенность прямо пропорциональна частоте этой смены, утверждает, что „возможность такой расшатанности в половом общении особенно часто налицо в городах и усиливается с их размерами“. Что же касается сельских местностей, то здесь „внебрачные сношения также широко распространены, но они ведут обыкновенно к браку, между тем, как в большом городе, где неоседлое население, половые сношения непрочны“, при чем „распространенность половых болезней в отдельных слоях населения пропорциональна среднему возрасту вступления в брак в том или в другом слое“, т.е. опять-таки в городе—больше.

При всем том „даже в большом городе смена объектов полового общения у пролетариата не так велика, как у классов собственников“, и „брак пролетария, подобно тому, как и в деревне, является только формальным подтверждением фактически уже давно существующей связи“.

Тот же профессор Бляшко приводит по этому поводу следующие интересные данные.

„В Берлине $\frac{3}{5}$ всех внебрачных детей впоследствии легитимируются... в 48⁰/₀...—В Дрездене... Но в большом городе даже эти чистые отношения теряются в своем постоянстве. Перемена места работы и другие моменты являются причинами малой оседлости рабочего и этим чрезвычайно повышается частая смена любовных связей.“

Рядом с этой, часто сменяющей свои объекты, свободной любовью, в рабочих кругах, к сожалению,—отмечает профессор Бляшко,—значительно увеличивается в своих размерах проституция“.

В общем данный материал остается верен и для характеристики взглядов на половые отношения в деревне и в городе и в наших советских условиях, но к этому необходимо прибавить все то, что мы уже отмечали выше и что принесли в деревню и в город война и

особенно революция, и то, что разница между городом и деревней все больше и больше сглаживается, и город несет в деревню и в ее быт, в частности и в области половых отношений и взглядов на них, как здоровые начала, так и начала отмеченного уже выше анархобунтарства и нигилизма.

В деревне, как и в городе, идет разрушение начал и взглядов, связанных со старым бытом, цепко держащим в своих патриархально-церковных лапах девушку и женщину.

Там же можно найти и ростки нового быта и новых взглядов на половые отношения. Между прочим, в деревне есть уже и свои доморощенные Волоховы, которые, однако, не прочь, вместе с тем, и ворота помазать дегтем той или другой девушке. Однако, не в этом только, конечно, сказывается в деревне новое по интересующему нас вопросу.

в) **Марксистско-ленинские взгляды на половые отношения.** „В половой жизни,—говорит Ленин (там же),—проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко“, и это необходимо помнить тем, кто половые отношения склонен сводить исключительно к биологическому моменту (о чем, впрочем, придется еще упомянуть особо). Здесь нас интересует другое.

Люди, ограничивающие половые отношения биологическим моментом, склонны исключать из этой области и момент нравственного.

В этом отношении необходимо помнить, чему учил нас Ленин: „мы отрицаем мораль и нравственность лишь в том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога... из идеалистических или полуидеалистических фраз... Мы говорим: нравственность—это то, что служит разрешению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов“.

„Коммунизм должен нести с собой (говорит Ленин в той же беседе с К. Цеткин) не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванные также и полнотой любовной жизни. Однако, наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно... Революция требует сосредоточения, напряжения сил от масс, от личности. Она не терпит оргиастических состояний... Несдержанность в половой жизни—буржуазна, она—признак разложения... Пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем... Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Самообладание, самодисциплина—не рабство, они необходимы и в любви... Я не доверяю тем,—говорит В. И.,—кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир созерцанием своего пупа.. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же, в конце концов, вполне буржуазное... В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места“.

Указывая на то, что вопросы пола и брака лишь части главного социального вопроса, Владимир Ильич говорит, что при наличии упомянутого искривления этот „большой общественный вопрос начинает казаться частью, придатком проблемы пола“.

Что же нужно делать?

„Все мысли,—рекомендует он,—работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для

действительного обновления условий брака и отношений между полами... Наши товарищи коммунистки должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской индивидуалистической, домашней и семейной психологии... Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой... Все это касается и области половых отношений, брака, семьи, состояния которых зависит и от развития производительных, сил и от изменения способов производства и обмена и, кроме того, трудящиеся по освобождению от власти капитала, не становятся сразу новыми людьми, а долго, десятилетия, продолжают стоять по колено в грязи религиозно-буржуазных предрассудков, и подчинение в каждом данном моменте личного интереса и настроения общему и классовому сознанию (новой правде) многим дается с чрезвычайно большим трудом.

Тогда как именно (как утверждает т. Крупская) „коммунист свои личные интересы отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам“.

Такое же содержание вкладывает та же Крупская и в понятие семья, где первейшим условием является взаимность, готовность к самоограничению, желание помочь другому:

„Семья—ячейка содействия“.

Семья—ячейка или союз двух на началах взаимности, на началах взаимного уважения, на началах взаимного друг другу содействия, на началах,—говоря обще,—любви.

В таком определении семьи заложен положительный ответ и на вопрос: „Есть ли любовь“, которого так часто придется касаться в разделе: „Сексуальное просвещение среди взрослых“.

Здесь же, заканчивая обзор различных взглядов на половые отношения, остановимся на вопросе о том, какое значение в половых отношениях имеет биологический момент.

г) **Степень значения биологического момента в половых отношениях.** Мы уже ссылались на Ленина, по которому „в половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко“, при чем „в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь“. „Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу“.

Отсюда права Ек Трошечко (в ст. „Вузовская молодежь“), утверждающая, что „половая распущенность в наших глазах достойна осуждения не сама по себе,—для нас и здесь высшим критерием является ее отрицательная социальная значимость“.

С другой стороны, если естественно, что половая проблема особенно волнует и занимает молодежь, то совершенно ненормально, что она приобретает в глазах той же молодежи преувеличенное значение в смысле биологического ее заложения, в смысле безусловно необходимой для человека в определенном возрасте половой жизни.

Совершенно верно, „непрерывное течение жизни (проф. Шенихен в „Введении в биологию размножения“) ... обеспечивается процессом постоянного возобновления—размножением, которое можно рассматривать рядом с функциями обмена веществ, раздражимости двигательной способности, как четвертое главное свойство всего живого“, а в том числе и человека, но так же верно и то, что между человеком и другими видами животных полного равенства нет,—при-

внесенное культурой человека должно в нем сказаться и в интересующем нас отношении.

Так, упомянутый уже нами профессор Шенихен, указывая на встречаемую почти повсюду в живой твари периодичность половой деятельности, чуждой, однако, человеческой природе, заявляет, что „может быть, это одно из последствий культурного развития, которое делало человека все более и более независимым от климатических влияний. Это отсутствие естественного упорядочения и ограничения половой жизни, несомненно, много содействовало обострению полового вопроса. Но особенно роковым в этом смысле является то обстоятельство, что культурный человек слишком стремится отодвинуть на задний план первоначальную цель половой жизни, направленную на размножение и получение потомства, и только гонится за наслаждениями, которые природа, именно ради достижения вышеупомянутой цели, связала с актом полового общения. Из этого источника проистекает весь тот разврат неестественности и противостественности, который внедрился в половую жизнь культурного человека“.

В соответствии с этим и профессор Залкинд (в „Очерках культуры“) также, „не отрицая большого значения половой жизни“, говорит, что „с самого начала необходимо все же оговориться, что вместе с гнилыми охвостьями старой культуры (буржуазной.—М. П.) мы по детской еще нашей наивности и доверчивости восприняли между прочим довольно значительные элементы и научной ее отрыжки. Такой отрыжкой является преувеличение биологического...“ Его совет: „Скромнее с половым, иначе плохо будет с социальным“—вполне понятен.

Наконец, „уже можно считать медицинским фактом,—устанавливает проф. Бляшко („Половые болезни и их социальное значение“),— что половое воздержание, оставляя в стороне многие исключительные случаи, не влечет за собой никакого вреда для здоровья“, и этим заявлением решительно отметаается какая-либо значимость ссылки, кто хочет этой ссылкой оправдать свою половую распущенность.

К тому же, если пойти по пути признания непреодолимости данной естественной потребности, то, очевидно, пришлось бы оправдать не только половую распущенность, аборт (без специальных к тому причин) и т. п., но всевозможные половые извращения, которые дали такие богатые всходы на гнилой почве капиталистических отношений, на почве пресыщения и упадочности.

А „пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении... половой несдержанности... Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале“,—мы об этом уже говорили.

Впрочем, половая распущенность так часто имеет подпочвой просто невежество, но—„невежество в половых вопросах не является пригодным средством защиты, и здоровая сексуальная диететика не делает излишним сексуальное просвещение“,—говорит тот же профессор Бляшко,—„Половой вопрос со всеми его разветвлениями есть вопрос воспитания“. („Опасности возраста полового созревания“, Проф. Толен).

4. Сексуальное просвещение среди взрослых.

а) Половой вопрос и развитие в юношеском возрасте.

Неупорядоченность половых отношений и отсутствие ясности сознания в половом вопросе в так называемом переходном возрасте чреваты особенно вредными последствиями. К тому же „быстро рас-

пространившееся среди полувзрослых девушек и юношей нравственное одичание, проснувшееся после войны, до сегодняшних дней все еще растущее, вырождающееся в бессмыслие, разнузданная страсть к удовольствиям и стоящая в связи с нею половая деятельность, все это влияет и на подрастающее сейчас поколение столь губительно, что, по мнению профессора Топен (в ст. „Опасности возраста полового созревания“), повелительно диктуется заблаговременное, предупреждающее воспитательное вмешательство“.

В наших, рабфаковских, условиях нет представителей подрастающего поколения, но зато около 21% в возрасте 18—20 лет*), которые были или совершенно лишены „заблаговременного, предупреждающего воспитательного вмешательства“ как со стороны семьи, так и со стороны школы, или это вмешательство шло со стороны окружающей среды со всеми описанными уже выше отрицательными его сторонами.

Во всяком случае, если принять во внимание только невежество в половых вопросах, то и тогда в целях необходимого, как выше уже было отмечено, сексуального просвещения мы необходимо должны проследить связь, имеющуюся между половым вопросом и развитием в юношеском возрасте.

Что касается сроков наступления половой зрелости, то известно, прежде всего, что они для девушек и юношей различные.

„Наступление женской зрелости,—говорит профессор Топен (в лекции: „Опасности возраста полового созревания“),—зависит от климата. Под тропиками оно имеет место в возрасте от 11—14 лет (в Гаванне уже на 8-м году), в южной и средней Европе между 16—18 годами... Девушка достигла половой зрелости, т.е. сделалась способной к оплодотворению и деторождению. Но оплодотворение и деторождение в такие юные годы могут иметь вредные последствия как для организма матери, так и для ребенка...“

Соответственный возраст для юноши наступает с завершением 21 года, чтобы преждевременные браки не повредили здоровью родителей и жизнеспособности детей.

У мальчиков,—продолжает профессор Топен,—созревание растягивается на более долгий период развития, чем у девочек. Хотя уже в начале этого периода является способность в наружном половом органе к изменению форм и вместе с этим способность к половому общению, но образование способных к воспроизведению зародышевых клеток начинается только между восемнадцатым и двадцатым годом жизни. Юноши естественно склонны переоценивать те частичные явления зрелости, которые они на себе наблюдают... Они не догадываются, что их тело еще находится в процессе развития, может пострадать от преждевременной половой деятельности... Если во время этого периода, столь важного для завершения развития мозга, будет нарушен процесс построения клеток, то от этого пострадает все будущее умственное развитие. В годы созревания происходит превращение необдуманно поступающего ребенка в человека мыслящего и действующего на основании самостоятельных абстрактных представлений... В конце периода созревания появляются, в связи с самостоятельным абстрактным мышлением, такие этические, альтруистические представления, как любовь к родителям, уважение к учителям, понимание долга и ответственности, власть над своими желаниями. Но в области половой жизни еще слишком часто нехватает желательного господ-

*) Из общего состава в 510 ч.: в возрасте 18—20 л.—123 ч. (в том числе—21 женщ.), от 21—25 л.—311 ч. (62 женщ.) и свыше 25 л.—76 чел. (2 женщ.)

ства над самим собой... В этот период, вообще говоря, усиливается заболеваемость. У мальчиков в средней школе она повышается на 40%, у девочек на 60%... Общеизвестен факт, что и у мальчиков и у девочек переходного возраста развивается малокровие.. (на почве невыгодного отношения между расширением грудной клетки и величиною сердца)... явление засорения и воспаления сальных желез на лице, вследствие повышенной деятельности этих желез. Юноша объясняет их избытком соков тела, требующим половой деятельности. В этот период развития появляется также раздражительная нервная слабость, проявляющаяся в быстрой утомляемости, тяжести в голове (Kopfdruck), неспособности к сосредоточению мысли и нарушении сна. Могут даже появляться временные параличные состояния... Развиваются даже и настоящие душевные болезни".

Так же и проф. Гофман (в ст. „Психология юношества в период созревания“), трактуя вопрос о психологии юношества в период созревания, останавливает внимание на том, что в этот период „создается“ личность, возникает мужчина и женщина. „Но ядром зрелой психики, — говорит он, — является твердая, на разумные основания опирающаяся, воля. Эта последняя должна образоваться в период созревания... Самые тяжелые опасности угрожают воле юношей со стороны половой инстинкта и его уродливых форм. Страсть увлекает молодого человека, не оставляя иногда ему и времени на размышление, а тайные пороки поражают волю в глубочайшем ее существе... Если хотение есть высшее искусство, то воспитание сильного и верно направленного хотения есть высшая задача педагогики... Период созревания в начале двадцатых годов жизни человека приближается к своему завершению... В душевной деятельности наступает покой и ясность, субъективный полный темперамента и в то же время причастный мировой скорби характер уступает место объективной сдержанности, так как бурные движения и аффекты в организме теряют в своей силе. Половой инстинкт достигает полного сознания своего назначения и, если еще не наступила нравственная испорченность, то и сознания своей ответственности... Кто помогает, — говорит профессор Гофман, — юноше счастливо пройти между угрожающими рифами половой жизни, тот оказывает как отдельному лицу, так и всей стране огромную услугу, так как только здоровымыслящие и чувствующие в половом отношении делаются дельными членами общества“.

Но и в семье и в школе еще до сих пор слишком распространён обычай не говорить о половой жизни, а многие, как уже отмечалось, лишены были и вовсе воздействия семьи и школы, и все это не даёт возникнуть пониманию необходимости целомудренного поведения, юноша или девушка становятся на путь полового общения, а дальше более или менее частая смена объектов последнего, которой обусловлены половые болезни, так как их распространённость, как известно, прямо пропорциональна частоте этой смены.

б) Результатность просвещения и значение семьи и коллектива.

Для освещения данного вопроса воспользуемся, прежде всего, материалом, который даёт по нему профессор Дюк в своей статье: „Педагогические средства семьи для сексуального воспитания“. „Духу времени, — говорит он, — совершенно соответствует тот факт, что не раз ожидали удовлетворительного решения вопроса (сексуального М. П.) со стороны рассудка и, таким образом, возникло основанное на весьма почтенном стремлении по возможности ограничить рассмотрение

венерических болезней вместе с их последствиями все движение сексуального просвещения.

Были пущены в ход всевозможные средства: лекции ученикам, беседы с родителями, памятные листки, театр, кино, ежедневная пресса, выставка,—ничто не было оставлено неиспробованным, а во время войны чего только не было сделано для просвещения солдат. Какой же был успех? Он не оказался удовлетворительным хотя бы только в отношении болезней, и, присмотревшись к делу внимательнее, скоро поняли, в какой сильной степени было переоценено влияние рассудка на такое могущественное стихийное слепое влечение, с каким мы тут встречаемся. Поняли, что рычаг был приложен не в надлежащей точке, что все это „просвещение“ представляет из себя (может быть) подходящее орудие для решения только отдельных, частных вопросов и что радикальное лечение должно быть приложено в другом месте; там, именно, где и отдельная личность имеет свои естественные корни: в семье (или учреждениях, ее заменяющих)... Обновление и реорганизация семьи, по мнению профессора Дюк, является необходимой предпосылкой для того, чтобы семья сделалась пригодной для высокой задачи воспитания и в частности для задачи сексуально-педагогического влияния, — отсюда: воспитание родителей, а не „просвещение“ детей.

Не останавливаясь на этом последнем выводе, который в прямом смысле и в капиталистическом обществе представляет из себя не больше, как игру слов, нельзя не согласиться с его мыслью об относительности просвещения, если оно не сопровождается перестройкой всей среды.

Здесь по существу заложена та же мысль, что и в выражении Ленина: „Воспитание... не в том, что... подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности“, но о ленинских методах разрешения вопроса нам придется еще говорить ниже.

Что касается самого характера работы семьи или заменяющих ее учреждений, то, по Дюку, она должна производиться „не иначе, как в гармонии с основной целью воспитания... здоровый дух в здоровом теле. Соответствующие средства воспитания являются поэтому, в существенной своей части, теми же самыми, что и для здорового воспитания вообще... Главную роль тут играет устранение всего вредного и, прежде всего, в наших культурных условиях, алкоголя и табака, представляющих из себя яд для нервной системы“.

А дальше,—„мы должны отметить необыкновенную важность дисциплинирования воли и поднятия чувства ответственности для господства над жизнью инстинктов. Если первое является признаком здорового эгоизма, то второе необходимо для социальной жизни и совместной работы. Только гармоническая деятельность обеих сторон вместе может сделать человека способным утвердить себя в жизни и чувствовать в ней радость и удовлетворение“.

Все даваемые Дюком указания слишком общи, а, кроме того, по понятным причинам нас больше интересует не семья и ее значение в деле сексуального воспитания, а коллектив, и в этом отношении—кстати—и более конкретные указания у Ленина (как менее известный, возьмем материал из упомянутой уже нами несколько раз беседы Владимира Ильича с К. Цеткин).

Ленин, указывая на то, что тот, кто преувеличивает значение полового вопроса, достигает того, что большой общественный вопрос (успехи пролетарской революции) начинает казаться „частью, приложением проблемы пола, говорит, что,“ все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также

и для действительного обновления условий брака и отношений между полами... Наши товарищи коммунисты должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью работу. Это возвышает и переносит из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской индивидуалистической, домашней и семейной психологии", и повторим еще раз мысль Владимира Ильича о том—что „новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой... Все это касается и области половых отношений, брака, семьи“.

Считая сексуальное воспитание частью педагогической проблемы в целом и установив степень значения правильного разрешения полового вопроса в период развития в юношеском возрасте, ближайший вывод, который мы должны будем сделать от носительного сексуального просвещения среди взрослых, очевидно, должен сводиться к тому, что оно возможно и необходимо, но с учетом значения (положительного или отрицательного) семьи и положительного влияния правильно и целесообразно использованного коллектива.

И в этом смысле—не изоляция девушек от юношей, а целесообразно организованное их совместное сотрудничество в коллективе, результатом чего может быть и сознательное половое воздержание и здоровая любовь, нового типа брак и семья.

Несколько слов о половом воздержании и о любви, вызывающих среди молодежи кривотолки.

в) Половое воздержание и любовь.

Нам уже приходилось отмечать, что половое воздержание, если не касаться немногих исключительных случаев, которые, очевидно, могут быть каждый раз установлены исключительно врачом, не влечет за собой никакого вреда для здоровья, в соответствии с чем профессор Шенихен (в ст. „Значение преподавания естествоведения для сексуальной педагогики“) находит, что „школа принципиально должна выставить требование полного воздержания“ от внебрачного и неограниченного полового общения.

Однако, установить точную и непреложную грань (даже при условии вполне зрелого с обеих сторон возраста и вполне удовлетворительного здоровья) оказывается чрезвычайно затруднительным, что, повидимому, становится в определенно отрицательное отношение к опрощению полового чувства (любви) человека и половых отношений.

Так, очевидно, никаких возражений не может встретить утверждение Колонтай о том, что здоровый половой инстинкт, влечение полов друг к другу в целях воспроизводства, под давлением уродливых социально-экономических отношений, особенно при господстве капитализма, выродился в нездоровую похоть. Половой акт превратился... в способ доставить себе еще одно „лишнее наслаждение“... „На этом построена проституция“.

Вместе с тем, как уже было отмечено выше, полигамия (многоженство) и полиандрия (многомужество) во всех их формах, когда при половых отношениях не участвует здоровое и полноценное чувство, могут повлечь за собой ряд неблагоприятных последствий, как то: раннее истощение организма, увеличение шансов на венерические болезни и т. п.

Колонтай также условием половых сношений ставит наличие любви, но при этом находит, что „для классовых задач рабочего класса совершенно безразлично, принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи“.

Когда нечто подобное говорится в статье кодекса о семье и браке, имеющего целью защитить женщину—мать и ребенка, нам это понятно, но в наших целях, в целях принципиального разрешения вопроса о половых отношениях заявление Колонтай удовлетворить, очевидно, не может.

Здесь каждому должно быть понятно, что правильная постановка вопроса т. Колонтай в первой, приведенной нами, выдержке, во второй—искажается, стирая грани между „крылатым“ и „бескрылым“ эросом, между ячейкой содействия, кружкой и актом удовлетворения той самой похотливости, против которой так решительно высказывалась и сама Колонтай.

„Осторожнее с половым, чтобы не пострадало классовое“, вот что хочется напомнить ей по данному поводу.

Во всяком случае условия переживаемого нами периода заставляют крайне вдумчиво отнестись к содержанию любви, которая отнюдь не может вообще являться самоцелью, хотя бы и при „верных“ (которых, как известно, не существует) предупредительных средствах, так как всегда нужно иметь в виду как вышеупомянутые неблагоприятные последствия, так и то, что мы далеки еще от удовлетворительной постановки дела социального воспитания детей как в качественном, так и количественном отношении.

Попытка (неудачная) со стороны Колонтай разрешить проблему взаимоотношения полов лишний раз указывает как на трудность ее, так и на ту легкость, с которой при разрешении ее можно скатиться к коммунистической безнравственности, к той же теории „стакана воды“, к полному аморализму.

„Если же этот аморализм,—говорит Преображенский (в „Классовых нормах пролетариата после завоевания власти“),—переходит в отрицание всяких норм вообще, следовательно и пролетарских классовых норм, то такой аморализм в обстановке незаконченной классовой борьбы является в лучшем случае утопической маниловщиной и теоретической путаницей (как, скажем, у Крупской.—М. П.), в худшем—продуктом влияния на пролетариат мелко-буржуазного, анархического индивидуализма“.

В. И. Ленин, высказывая свои суждения по вопросу о половых отношениях, о браке и семье, не боялся прослыть филистером, а наша молодежь, путаясь между двух сосен,—платонической и биологической любви,—берет крайности и с водой—так часто—выплескивает из ванны и ребенка (не говоря уже о тех из них, которые, поистине, являются в этом деле своекорыстными эксплуататорами левой фразы).

„Допускаешь ли ты любовь иную, кроме чисто биологической“,—вопрос, который для многих остается недоуменным, и они иногда пробуют „на практике“ найти эту „иную“ любовь и ничего, кроме половой распушенности со всеми ее последствиями, не находят.

Положительный ответ на тот же вопрос для других является лишь удобным поводом для насмешек над „мещанкой“, „мещанством“ и т. п.

И только некоторые в наше время, в силу безвредности полного полового воздержания, привычки относиться к женщине, как к равному товарищу, и своей занятости и поглощаемости „классовым“ (производством, службой, общественной работой) не ища, находят здоровую любовь и образуют,—обычно прочную и продолжительную,—ячейку содействия, в которой оба продолжают оставаться равными, друг для друга незаменимыми товарищами и в которой нет и тени мещанства.

5. Коммунистическое воспитание и особенности сексуального воспитания на рабфаке.

В статье „Комвоспитание и задачи педагога“ нам уже приходилось говорить о том, что „если ставить вопрос о коммунистическом воспитании серьезно, то нужно будет признать, что удобные для себя случаи педагог может найти и должен искать не только в классе, — эти случаи даются помимо того: в работе студентов в их и в общественных организациях, в клубной работе, в рабфоровской, в лице отдельных выступлений студентов в порядке повседневной жизни и при самой разнообразной обстановке, в частности,—в порядке домашнего быта и летней практики, т.-е. в лице всего того, из чего складывается воздействующая на студента среда с ее влиянием на волю и характер, на мирозерцание, на физическую природу и, наконец, на эмоции человека“.

Сексуальное воспитание—часть педагогической проблемы, и потому и по части сексуального воспитания педагогу нужна самая широкая и возможно более своевременная осведомленность обо всей окружающей студента обстановке, а потому для нас и является необходимым ознакомиться, прежде всего, с особенностями в отношении сексуальной проблемы, сексуального воспитания.

К сожалению имеющаяся по половому вопросу и сексуальной педагогике литература, вообще крайне ограниченная, рассматривает половую проблему в целом или—в части сексуального воспитания детей и юношества в переходном возрасте, тогда как рабфакские условия—вполне конкретные и общие для молодых людей в возрасте 18—25 (и даже 30) лет, т.-е. в том возрасте, когда браки, вообще говоря, возможны, при чем область педагогической терапии исключительно и безраздельно в руках педагогического персонала, если не касаться возможного и необходимого воздействия студорганizations.

При таких условиях рабфакский педагог принимает на себя всю ответственность, а имеющаяся по половому вопросу литература может явиться для него при выработке конкретных мероприятий и методов сексуального воспитания лишь наводящим фактором.

В первых главах настоящей статьи мы дали беглую характеристику имеющихся половых отношений на рабфаке, связав ее в дальнейшем изложении с современным состоянием половых отношений вообще, а здесь нам придется дать, хотя бы, краткий перечень специфических для рабфака особенностей:

- 1) При сложности коллектива в возрастном, семейном, социальном и идеологическом отношениях учеба—для всех, а жизнь в общезжитии—для большинства протекает созместно для мужчин и женщин.
- 2) Полное отсутствие, как уже было отмечено, влияния родителей и других возрастно-и опытно-старших, кроме педагогов, если не считать своих же товарищей—студентов.
- 3) Особые задачи рабфака и рабфакцев.
- 4) Материальные условия, при чем равные как для мужчин, так и женщин.
- 5) Характер использования и направления внимания и энергии во время досуга.
- 6) 17% женщин, чаще—крайне юных, неопытных и идеологически невыдержанных, при чем предложение мужской ласки резко превышает над спросом на нее.
- 7) Приход в рабфак молодых людей часто уже с упрочившимися на половые отношения взглядами.

8) Студенты, сделавшие из половых отношений для себя чуть не привычку и, во всяком случае, не видящие ничего предосудительного в половой распущенности, вынуждены в течение 3—4 лет оставаться в состоянии безбрачия, имея, при этом, иногда семью где то далеко, дома.

9) Возможность известного расчета, — „в силу необходимости“, — на разрыв связи в силу оставления рабфака на 1—2 года раньше или при выпуске в разные ВУЗ'ы.

10) Наличие непосредственных и соблазнительных наблюдений (быть может, вынужденных даже) над другими парами при почти полной безнаказанности мужчин, при сравнительной легкости произвести аборт в случае беременности женщины.

11) Отсутствие, наконец, при рабфаке ясель, а у студенток и студента средств и времени на воспитание ребенка.

Создающаяся на рабфаке неурядица в половых отношениях происходит в значительной степени и от этих, только что перечисленных, особенностей, из которых некоторые требуют к себе специального внимания.

Если мы упомянули выше о совместной жизни и учебе большинства студентов и студенток, то не потому, что считаем такое явление ненормальным, а исключительно для того, чтобы обратить внимание на сравнительную легкость сближения в силу частых встреч, при наличии к тому же аморально настроенных еще до рабфака студентов.

Второй, приведенный нами, момент указывает на исключительно важную роль педагога в деле выправления и оформления взглядов студенчества на половую проблему, хотя бы и при участии в той же работе студенческих организаций, на которые педагогу в тех же целях необходимо оказывать соответствующее влияние.

Особые задачи рабфака и рабфаковцев — чисто классового характера, при условии — быстро научиться, когда всякое послабление, — по мысли Ленина, — преступно, когда сбережение сил и экономно-разумное расходование сил и времени является первейшим условием, — эти задачи закалки и подготовки строителей социализма роль педагога делают еще более ответственной и значительной.

Следующие два момента — о материальных условиях и об использовании студентами досуга — целесообразно рассмотреть вместе, так как они друг с другом, несомненно, тесно связаны.

Стипендия, обеспечивая каждому, поистине, прожиточный минимум, отстает от роста потребностей, — это можно пока принять, как правило, при чем эта равновеликая неполная обеспеченность одинакова для студента и студентки, что, казалось бы, должно было служить предпосылкой равенства того и другого. Однако, последний вывод так часто лишь формально правилен, так как это поравнение не в силах в короткий срок стереть разницы, созданной еще до рабфака под влиянием других факторов, говорящих об историческом двойном и тройном гнете, принижавшем женщину. Во всяком случае и студенты и студентки при существующих размерах стипендии, даже если они имеют досуг, не в состоянии его заполнить разумно, если им не приходит на помощь внимание советской общественности или организованная их же самодеятельность. И это обстоятельство нельзя оставлять без внимания, так как в случае неудовлетворенности в данном отношении для них может явиться необходимость „скрасить“ свою жизнь „еще одним лишним удовольствием“.

Ряд последующих моментов из приведенного выше перечня не требует никаких разъяснений. Остановимся еще на последних двух.

Давая в первой главе характеристику половых отношений на рабфаке, мы упоминали о случаях половой распущенности, когда студент остается со студенткой на ночь в общей комнате, как муж с женой, не говоря уже о поцелуях и объятиях, которые иногда проделываются на глазах других и днем. Что за этим так часто следуют: искусственное пробуждение похоти у одних, необходимость аборт для других, утрача чувства этичности—у третьих и протесты (активные и пассивные)—четвертых и, потому, немногих,—все это понятно без всяких комментариев. Что касается ясель, то они могли бы сыграть роль, уменьшив число аборт, установив более нормальные отношения, хотя бы между некоторыми, предупредив заболеваемость и расстройство организма, хотя бы некоторых студенток и т. д.

Вопрос о яслях говорит нам, вместе с тем, и о том, что перестройка всего, что касается сексуальных отношений, возможна. Впрочем, и вообще, обычно, никто не оспаривает, что выработка коммунистической морали и нравственности и воспитание с курсом на последние возможны как вообще, так и в той именно области нашего быта, которая связана с половыми отношениями. И возможна, именно, уже теперь.

„Теперь,—как замечает Ярославский,—есть элементы... коммунистического строя... стало быть есть и элементы для выработки новой коммунистической нравственности“.

Борьба за новый быт и за коммунистическую мораль в рабфаковских условиях, несомненно, ведется. К сожалению только, у нас и тот небольшой опыт, который имеется в этом отношении, совершенно никем не учитывается, а достижения не фиксируются, тогда как В. И. Ленин учил нас бережному отношению к глубокому вниманию к „росткам нового“, как бы они малы и незначительны не были.

Эти „ростки нового“ есть у нас. Их надо только холить и беречь, борясь с „бурьяном“.

Больше внимания к вопросам быта, скромнее с половым, иначе будет плохо с социальным,—это должно быть каждому из нас совершенно понятно, но,—прежде всего,—перед педагогом стоит задача внести в упомянутую борьбу за новый быт определенную организованность.

6. Задачи педагога и пути и методы сексуального воспитания на рабфаке.

а) Вывод из предыдущего изложения. Итак, в процессе революционной ломки старых идет создание новых, социалистических половых отношений, но „наша твердая уверенность, что из современной ломки половых отношений из пролетариата вырастут новые, здоровые половые отношения, ни в коем случае не должна убаюкивать наше внимание и делать нас пассивными... Мы должны (Гусев в ст. „Какова же наша молодежь“) активно бороться против половой распущенности, вырастающей на почве, вызываемой естественными причинами неурядицы в области половых отношений, бороться в тех пределах, в которых половая распущенность существует, бороться прежде всего потому, что, как не раз подчеркивал Ленин, половая распущенность вредна для дела социалистической революции, для дела социалистического строительства“.

б) О задачах педагога и школы. Из того, что было сказано об имеющейся по половому вопросу и по сексуальной педагогике лите-

ратуре, ясно, что литература эта в применении к нашим условиям может быть использована лишь как наводящая.

По вопросу о задачах педагога и школы в деле сексуального воспитания находим некоторый материал у профессора Топен (в его лекции: „Опасности возраста полового созревания“), у профессора Бляшко (в его ст. „Половые болезни и их социальное значение“) и у профессора Тимердинга (в ст. „Педагогические средства школы для сексуального воспитания“).

„Задачей воспитателя,—говорит Топен,—является незаметно отвлекать подростка, насколько возможно, от процессов происходящего в нем полового развития. Но воспитатель также должен стараться уничтожить чувственный характер интереса к этим процессам прямым путем беседы о процессах воспроизведения в мире животном, рассматривая явления созревания, как естественный процесс, которому совершенно незачем уделять особенное внимание... Больше не должно случаться,—замечает тот же Топен,—чтобы юноши свои половые ощущения перерабатывали только сами с собою или с товарищами, чтобы в этой области исчезал контакт с теми, кто должен бы давать направление для всей жизни... Недопустимо, чтобы к словому воспитанию подрастающего поколения, с которым необходимо серьезно говорить о движениях полового чувства, корпорация учителей оставалась бы чуждой и равнодушной, чтобы юноша, жаждущий поучения от жизненной опытности уважаемого им учителя, не осмеливался обратиться к нему с подобным вопросом“, ведь „половой вопрос со всеми его разветвлениями есть вопрос воспитания“.

Однако, „каждый учитель (по мнению Бляшко), приступая к своей задаче, должен тщательно испытать себя и взвесить, удовлетворяет ли он тем высоким требованиям, которые школа, как воспитательное заведение, ставит перед ним, в этом случае он должен принять во внимание, что отсутствие сексуального осведомления все же надо предпочесть педагогической неудаче“.

Проф. Бляшко, рекомендуя для педагога в данном деле крайнюю осторожность, конечно, совершенно прав, но он, к сожалению, из последнего своего замечания не делает никакого вывода, и, —если последовать его совету до конца,—может случиться, что за дело сексуального воспитания ни один из педагогов не возьмется.

Тогда как,—по Тимердингу,—„задачей школы является нравственно влиять на своего питомца, воспитать в нем твердость характера и способность управлять собою. Но если при этом остается не затронутым все, связанное с половой жизнью, то эта последняя и останется вне влияния школы“.

Очевидно,—„сексуальная педагогика должна ставить себе целью приобрести решающее влияние на принципиальное отношение к явлениям половой жизни со стороны питомца и на соответствующее его поведение“, при чем в области преподавания „исключается введение какого-либо особого учебного предмета или хотя бы связанного ознакомления. Дело, скорее, идет о том, чтобы наличные учебные предметы в отдельных пунктах организовать так, чтобы они оказались способными оказать содействие и в социально-педагогическом отношении“... в частности,—„всякая сексуальная педагогика должна прежде всего ставить целью, чтобы человек, вступая в известные отношения к существу другого пола, умел бы видеть и уважать в нем другого человека“.

Все вышеизложенное говорит, очевидно, за то, что „мы можем стремиться лишь к тому, чтобы наметить направление сексуально-пе-

дагогической работы учителя. Частности же должны выясниться отдельно для каждого данного случая. Именно потому, что здесь все дело в искусстве воспитателя, а не в методике преподавания, и нельзя указывать на отдельные случаи, могущие иметь сексуально-педагогическое значение. В каждом таком случае все будет зависеть от личности учителя“.

в) Вопрос о половом просвещении надо расчленить. Профессор Шенихен в ст. „Значение преподавания естествоведения для сексуальной педагогики“ справедливо отмечает, что „вопрос о половом просвещении расчленяется на два другие вопроса, резко отличные друг от друга. С одной стороны... о раз'яснении отношений между людьми, связанных с продолжением человеческого рода... С другой... —об опасностях внебрачного, а в особенности же распущенного полового общения“. Впрочем, и во всем предыдущем своем изложении нам приходилось отмечать изучаемый нами вопрос, именно, в этих двух направлениях.

Но, кроме того, необходимо установить, как в этих направлениях можно и должно использовать естествознание, к чему сводятся задачи врача, что могут дать обществоведческие дисциплины, какова связь сексуального воспитания с преподаванием литературы, что, наконец, в данном отношении могут дать занятия искусством.

г) Как использовать естествознание. „Уже 10 или 15 лет, как лозунг полового просвещения выставляется всегда в тесной связи с преподаванием естествоведения,—говорит тот же автор (там же),—так как в проблеме о сексуальном просвещении дело идет в значительной мере об антропологических и биологических фактах и процессах... Осторожность, которую необходимо соблюдать в естественно-историческом преподавании на средней ступени, уже не является необходимой, когда дело идет о преподавании биологии более зрелым ученикам. Биология на этой ступени имеет уже более научный характер. Она должна также, в большей своей части, преподаваться в форме практических упражнений, так что между учителем и отдельным учеником устанавливается более тесный контакт, дающий возможность более строгой, индивидуальной трактовки сюжета. Раз'яснения из сферы пола напрашиваются тут сами собой: когда учащиеся заняты, например, анатомированием тела животного, то они находят, разумеется, и органы размножения. Стараться здесь уклониться от объяснения было бы так же недостойно, как пропустить какойнибудь стих Гомера, затрагивающий отношения полов,—говорит профессор Шенихен.—Согласно наблюдению многих дельных учителей, до сих пор не было еще ни одного факта каких-либо нежелательных побочных последствий, проистекших из вышеупомянутых упражнений. Напротив того, было замечено, что молодые люди старались сами выказать известную научную зрелость по отношению к таким вопросам. Поэтому не может быть сделано никаких возражений против того, чтобы дать на высшей ступени более основательное введение в биологию размножения, растений и животных, а также познакомить с основными фактами наследственности. Но и на этой высшей ступени не следовало бы особенно останавливаться на размножении и органах размножения человека. Достаточно, если относящиеся сюда факты выяснены на схематическом изображении млекопитающегося. Заключение по аналогии с человеком можно предоставить сделать самим ученикам, если их мысль направлена уже на этот пункт. Конечно, если ученики сами обратятся с вопросом по этому предмету, с глазу на глаз

или в самом тесном кругу,—то дельный учитель не затруднится дать дельный ответ“.

В конце концов, как правило,—„всякое хорошее биологическое преподавание должно приводить к укреплению авторитета медицинской науки“, а для этого потребуются, помимо соответствующего освещения передаваемого воспитанникам материала, и тесный контакт со школьным врачом.

О задачах последнего будет сделано несколько замечаний ниже, а здесь придется отметить об этическом действии биологического преподавания, которое (по Тимердингу) „состоит в том, что человек учится сознать себя лишь частью всего живого мира, что он начинает понимать, что живет под властью вечных, неизменных, железных законов бытия и привыкает в явлениях, напоминающих его жизнь, видеть выражение общего миропорядка и таким путем от субъективной связанности возвышается до объективного просветления“, которое, кстати сказать, необходимо должно включить в себя и усвоение значимости классового момента.

д) Задачи врача. Выше мы уже отмечали, что преподавание биологии должно служить укреплению медицинской науки, но о том же, несомненно, она и сама должна побеспокоиться в лице школьного врача.

У юноши или девушки „появляются признаки полового созревания. В юношах, — говорит тот же Тимердинг,—это вызывает глубочайшее потрясение: иногда они принимают себя за больных, появляющиеся нецеломудренные сны заставляют их смотреть на самих себя, как на испорченных и порочных. Поэтому было бы необходимо, чтобы они правильно поняли эти явления, и чтобы призванные к тому воспитатели объяснили им, в чем дело“.

В данном случае имеется в виду тот критический момент, который, как правило, студенты рабфака переживают обычно еще до поступления в рабфак, но, несомненно, есть и в рабфаках такие молодые люди, для которых ряд вопросов из области сексуальных явлений, пережитых ими ранее, остается еще не разрешенным, тогда как сексуальное воспитание может быть направлено и по линии предупреждения всякого рода половых извращений и заболеваний, по линии борьбы с половыми излишествами и распущенностью и, наконец, по линии мероприятий, ведущих к здоровому потомству, и по всем этим линиям врачу есть что понаблюдать и учесть, всегда окажется возможность, помимо непосредственно медицинской помощи, и дать совет, и провести ряд мер чисто профилактическо-просветительного характера.

Так, юношество должно получить понятие о том, что от соприкосновения с неопрятными людьми могут возникнуть серьезные инфекционные болезни, что необходимо принципиально уклоняться от всякого соприкосновения с знахарством или шарлатанством и т. д., и т. п., что, наконец, есть специально половая гигиена и в чем она, именно, состоит.

Никто, как врач, также не сумеет направить и использовать занятия по физкультуре.

е) Что могут дать обществоведческие дисциплины. Социальное значение проблемы делает ее объектом изучения и обществоведческих дисциплин.

„Прежде всего приходит на мысль показать учащимся, в зеркале истории, эпохи поднятия и падения нравов. чтобы обострить в них способность видеть существующее вокруг них зло и пробудить в них

понимание того, в чем состоит нравственная культура... Но все же в смысле сексуальной педагогики история нравов, как учебный предмет, принесла бы не слишком большую пользу. Можно опасаться,— говорит Тимердинг,— что при противопоставлении эпох с чистыми и испорченными нравами в половой жизни, как раз испорченные нравы покажутся для юношей более привлекательными, чем чистые”.

Впрочем, в наших условиях истории нравов, как специального учебного предмета, нет, и указание Тимердинга нами приведено с исключительной целью подчеркнуть еще раз степень осторожности, которая требуется от педагога.

Однако, пробудить в студентах устремление к тому, что в интересующем нас отношении представляет добро, возможно и необходимо, как возможно и необходимо для педагога-историка при преподавании своего предмета, вообще, воспитывать в питомце классовое самосознание и устремление, самообладание и самодисциплину и, наконец, навыки в подчинении личного общему.

ж) Связь сексуального воспитания с преподаванием литературы. „Об’ективным изложением немногое может быть достигнуто“ (вспомните об „усладительных речах“ по Ленину,—М. П.). „Большие надежды возлагаю я,—говорит тот же Тимердинг,—на внедрение сексуально-педагогических точек зрения в преподавание языков, прежде всего, в преподавание родного языка. Нельзя не принять во внимание, что тут неизбежно затрагиваются условия половой жизни, и это всегда так было, не смотря на большое старание отодвинуть на задний план все, что касается пола. Любовная жизнь играет в литературе всех времен и всех народов большую роль, и изучаемые в школе поэтические произведения содержат в себе немало эротики“.

Очевидно, что здесь от педагога потребуется большой такт и, конечно, каждый воспитатель именно в этих (литературных—М. П.) вещах должен остерегаться навязчивых нравоучений. Он только вызвал бы этим оппозицию и достиг бы обратного тому, чего желал. Он может действовать, только вызывая молодых людей на самостоятельное мышление, уча их смотреть на вещи правильными глазами, обостряя их взгляд, рассеивая юношеские предрассудки и борясь с ложной чувствительностью так же, как с бессердечным цинизмом. Прежде всего, следует по возможности бороться с преувеличенной оценкой эротики, столь свойственной юношеству“.

Может возникнуть у преподавателя литературы вопрос, не следует ли в целях сексуальной педагогики и самый материал для изучения подбирать под углом эротики.

Это было бы не верно, „но то, что автор, читаемый ради его образовательного значения, дает в смысле эротических моментов, должно, хотя и без всякого подчеркивания, быть спокойно и ясно об’яснено, как и всякий другой предмет, при чем должны быть верно оценены юношеское понимание и юношеская впечатлительность“.

з) Что могут дать занятия искусством. Профессор Тимердинг и на этот вопрос дает определенный ответ, который, как и его предыдущие замечания, может быть чрезвычайно полезен при более глубокой проработке вопроса, что может дать преподавание того или другого предмета в смысле сексуального просвещения—при более глубокой проработке, чем это доступно было в настоящей статье.

„Можно ожидать очищения и облагорожения сексуально-этического поведения и от занятий искусством. К сожалению, искусство в наших общеобразовательных школах (в том числе и в рабфаках.

М. П.)... Искусство еще должно завоевать место в школе... Между тем мы тут имеем превосходный случай пробудить понимание человеческого тела с чисто художественной точки зрения и изгнать раз навсегда всякое похотливое возбуждение при виде обнаженного тела... Однако, это может быть достигнуто в достаточной степени лишь при условии ознакомления с художественной анатомией, так как это единственный путь ввести в рамки преподавания выяснение сущности пластики... На уроках рисования придется ограничиться выяснением основных элементов формы и красок на простых примерах. Поэтому художественная ценность уроков рисования по необходимости является ограниченной и должна быть дополнена рассмотрением произведений искусства. Только об этом последнем можем мы говорить, имея в виду сексуально-педагогическое влияние, основанное на эстетическом понимании мира“.

и) Общие выводы. Мы начали свое изложение характеристикой половых отношений на рабфаке в части, именно, существующих ненормальностей, которые, естественно, не есть нечто раз навсегда данное, и потому перед педагогом постоянная задача держать себя в курсе положения в данном отношении в каждом данном моменте.

Пути, по которым педагог (врач, все учебно-воспитательные органы) может узнать об упомянутых ненормальностях, могут быть: личные беседы со студентами, стенгазета и журнал (не только наш, но и „Красное студенчество“), как равно и др. соответствующая литература, поведение студентов в учебном корпусе, непосредственные наблюдения педагога при общении со студенчеством в общежитии, жалобы и заявления, исполнительные листы по алиментам, высказывания студентов по докладам и в дискуссиях на общих собраниях и во всех учебно-воспитательных органах, высказывания студентов на уроках родного языка, биологии, обществоведения и рисования, на основании наблюдений врача, в порядке анкетирования и прочее, и т. п.

Те же, собственно, пути могут быть использованы (и используются) и студенческими организациями.

При чем, задача педагогов и учебно-воспитательных органов состоит не только в том, чтобы воспитывать, но и перевоспитывать, имея при этом в виду, что в наших условиях воспитательное значение семьи почти отсутствует, но возможно и необходимо использование воздействия коллектива в целом и студорганizations в частности.

Значение коллектива (совместные учеба и общежитие) имеет не только положительные, но и отрицательные стороны (при преобладании первого над вторым), и задача педагогического воздействия должна сказаться и в направлении более рациональной организации учебы и условий жизни в общежитии (ясли и т. п.) при правильной организации использования досуга и в порядке внимания к работе студорганizations, где не может быть опеки, но воздействие мыслимо и необходимо.

Сексуальное воспитание, являясь частью воспитания вообще, в конце концов сводится к воспитанию самообладания и самодисциплины, к воспитанию в представителях разных полов здорового друг на друга взгляда, как на человека, на товарища и к воспитанию в каждом сознании необходимости подчинить личные интересы интересам класса, революции.

Наконец, отсталость и молодость студентов-новичков, вообще, женщин-студенток требует к себе особенного внимания, как вообще, так и в части санитарно-гигиенического просвещения, а отсюда— особое значение педагога-женщины и врача.

Говоря более конкретно, задача школы и педагога уничтожить чувственный характер интереса к половым отношениям, поднимая интерес к их социальной значимости, а эта задача достижима лишь при условии, если удастся вызвать готовность учащихся ставить перед педагогом вопросы и высказываться в беседе.

Задача школы и педагога—воспитывать твердость характера и способность управлять собой в половой жизни, но эта задача удастся, если школа сумеет учащимся привить определенные принципы.

И для выполнения всех этих задач отнюдь не требуется создавать специальный учебный предмет, а необходимо использовать преподавание таких предметов, как биология (при сотрудничестве с врачом), обществоведение, русский язык, литература и рисование.

Сексуальное воспитание не ограничивается одним просвещением,—необходимо использовать вмешательство педагога и учебно-педагогических органов и в организацию педагогического процесса во всей его широте, и в самый процесс*) или в порядке личного примера, или в порядке сосредоточения внимания воспитуемого на известных моментах (случайных и заранее предусмотренных), или путем фиксации отступлений, при чем,—или тут же (в форме разъяснения, замечания, внушения, справки и указания), или в тех или других учебно-воспитательных органах, перед лицом всей учебной группы, с глазу на глаз, на столбцах стенгазеты, при удобном случае в виде ссылки и т. п. и, наконец,—в порядке административного воздействия.

Осторожность и учет во всей этой работе необходимы больше, чем во всей остальной работе педагога.

Схема: „Изучать—организовывать—пропагандировать“, воспитывая, при этом: а) волю, характер и эмоции (инстинкты), б) физическую природу (навыки) и мирозерцание (сознание) для того, чтобы каждый воспитуемый был подготовлен к самостоятельному изучению, организации и пропаганде,—эта схема вторжения педагога и учебно-воспитательных органов в педагогический процесс, очевидно, остается в силе и для педагогического воздействия педагога в сексуальной области.

Задача,—в целом и в отдельных своих деталях,—чрезвычайно трудная,—„никакая сторона преподавания не ставит перед личностью учителя такие высокие и трудные задачи, как сексуальная педагогика“,—повторим в заключение приведенные нами в подзаголовке слова профессора Тимердинга,—но, если педагог сумеет решить стоящие перед ним в этой области задачи, „то о нем можно сказать, что он достиг совершенства, как воспитатель юношества“.

М. Постников.

Использованная литература:

- 1) „Коммунистический манифест“ К. Маркса и Ф. Энгельса,
- 2) „Анти-Дюринг“—Энгельса,
- 3) „Этика и материалистическое понимание истор.“—Каутского,
- 4) Ленин: а) „Мораль буржуазная и коммунистическая“,

*) См. нашу ст.: „Ком. воспитание и задачи педагога“, Омрабфак № 1 М. П.

б) его речь на Вс. с'езде ВЛКСМ и
в) его беседа с К. Цеткин.

- 5) Крупская. „Каким должен быть коммунист“.
- 6) Бухарин. „Воспитание смены“.
- 7) Преображенский. „Классовые нормы пролетариата после завоевания власти“.
- 8) Сольц. „Коммунистическая этика“.
- 9) Троцкий. „Вопросы быта“.
- 10) Колонтай. „Бескрылый и крылатый эрос“.
- 11) Залкинд: а) „Половая жизнь и современная молодежь“ и
б) „Проблемы пола“.
- 12) Шенихен. „Введение в биологию размножения“.
- 13) Боррутау. „Строение и функции половых органов человека“.
- 14) Гофман. Психология юношества в период созревания“.
- 15) Топен. „Опасности возраста полового созревания“.
- 16) Бляшко. „Половые болезни и их социальное значение“.
- 17) Шенихен. „Значение преподавания естествознания для сексуальной педагогики“.
- 18) Тимердинг. „Педагогические средства школы для сексуального воспитания“.
- 19) Дюк. „Педагогические средства семьи для сексуального воспитания“.
- 20) Гусев. „Какова же наша молодежь“, сборник.

ЕСТЬ-ЛИ У НАС ДЕМОКРАТИЯ.

(К постановке вопроса).

Последовательная борьба против мелкобуржуазных влияний среди нашего рабфаковского коллектива, откуда бы они ни исходили, борьба за укрепление дисциплины вообще и, в частности, учебной среди отдельных элементов и „группочек“ вызвала суждение о так называемом зажиме внутри-рабфаковской демократии: что-де, демократия у нас на бумаге: решает небольшая коллегия, а масса в стороне: и не решает и не участвует—масса только слушает. Спрашивается: кто может так клеветать на наш коллектив и обвинять его? Никто из тех, кто сознательно и упорно ведет борьбу за укрепление рабфака, за поднятие качества учебы коллектива в целом, кто, засучив рукава, вместе с коллективом активно работает хоть на маленькой, хоть на самой простой общественной работе, для кого задачи учебы, задачи своего класса прежде всего. Так могут говорить только люди, захваченные мелкобуржуазным влиянием, люди, качающиеся между двумя стенами, люди, обиженные за свое личное „я“, и, наконец, кто не видит примеров действительного участия массы организованного студенчества во всех порах большой и малой работы, не видит того, как студенчество из года в год начинает не только все больше и больше участвовать в работе, но и делом помогать административно-хозяйственному и педагогическому коллективу в его труднейшей работе по укреплению рабфака. Совершенно неизбежно могут быть, а они есть, отдельные нарекания о якобы подлинном зажиме, отсутствии демократии и со стороны тех, кто является членом нашего коллектива, **кто помогает коллективу** строить и укреплять рабфак, но для которого жесткие требования за определение своего места на рабфаке, требования в учебе и ответственности быстрый темп и максимум результатов—кажутся на первое время очень тяжелыми и неприемлемыми, но такие нарекания могут быть до тех пор, пока человек не определит себя, пока не войдет в нормальную колею внутри-рабфаковской подвижной обстановки.

Что такое демократия и какой характер принимает она в наших условиях? Демократия—равенство в правах.

Есть-ли она у нас, на рабфаке? Да, есть. Пользуется-ли кто из нашего коллектива особыми правами и особыми привилегиями?—Достаточно поставить такой вопрос, чтобы, не задумываясь, дать отрицательный ответ.

Лучшее выражение внутри-рабфаковской демократии—самоорганизация на принципе равенства. Но школьной самоорганизации без строгой трудовой дисциплины мыслить нельзя. И вот когда с этой точки зрения подходить к сущности поставленного вопроса, то спрашивается: можно ли школьную самоорганизацию, т.е. кооперацию, превратить в нечто иное, в управление школой—рабфаком? Нет, нельзя! И в этом глубочайшая ошибка тех, кто ратует о зажиме и об от-

сутствии демократии и за полную свободу действия, ничем не ограниченную. Этот путь—путь мелкобуржуазный.

Что бы убедиться в том, насколько рабфак, социалистический тип средней школы, является самым демократичным учреждением, достаточно напомнить такие предметы:

1) Вся (к сегодняшнему дню) или почти вся масса студенчества участвует во всех видах общественной работы на основе самоорганизации и самоинициативы; 2) вся или почти вся масса широко обсуждает важнейшие мероприятия и студенческой и административно-хозяйственной деятельности (заслушивает и обсуждает регулярно опыты, обсуждает смету расходования средств, обсуждает вопросы учебно-педагогического характера и много др.) и если не прямо, то через представителей выражает свои интересы в учебно-методических органах (обсуждение программ, методов преподавания, оценка успеваемости, увольнение и т. д.). Эти примеры служат неоспоримым доказательством все более и более усиливающейся демократии и демократического способа решения вопросов.

Вся беда тех, кто говорит о якобы действительном зажиме и отсутствии демократии, состоит в том, что они больше говорят не прямо и открыто, а больше всего по закоулкам, по зауглам, превращаясь в подлинных шептунов, но меньше всего сами на деле показывают, как надо работать. Возьмите, например, такие примеры: участие представителей от студенчества в учебных органах: всегда ли оно сопровождается деловыми указаниями со стороны тех, кто много шепчет, что плохо преподаватели работают и выражают интересы студенчества в предметных комиссиях? Нет, не всегда и даже очень редко!

Могут ли в таких условиях представители студенчества стоять не только цепной связью между учебными органами и студ-м в группах? Безусловно, нет. В то время, когда учебные организации и пед. коллектив в целом идут всемерно навстречу нуждам студенчества, можно ли говорить о зажиме и отсутствии демократии? И дальше. Нельзя представлять себе демократию как цель! Демократия без сознательной организованности и строгой дисциплины—ничто. И те, кто уговаривает себя слабенькой чистой демократией, в то же время, разрушая предпосылки для основ этой демократии, тот делает большую ошибку.

Нельзя делать вывод о зажиме и отсутствии демократии из того, что студ. организации и административные органы, проводя твердую линию за укрепление рабфака, за спаянность коллектива и дисциплину, с отдельными представителями свободо-мыслящих не нянчатся, а ведут борьбу. Но как? Эта борьба проводится больше всего мерами не административного воздействия, а мерами воспитательного характера. Задачу рабфака—не только научить в такой короткий срок, но и перевоспитать студента—никто не должен забывать!

Нельзя смешивать демократию с борьбой за внедрение этой демократии, как средства оживления нашей работы и учебы. Вот почему тот, кто пытается внедрить в сознание масс студенчества свои неверные взгляды (таких немного), тот неизбежно становится на путь подрыва всей работы и творчества нашего коллектива, на путь срыва основ демократии, самоорганизации и сознательной дисциплины; тот выполняет жалкую роль обиженного „интеллигента“.

Итак демократия у нас есть. Здоровую критику массы мы должны и будем всемерно поощрять, одновременно борясь с искривлениями основ демократии.

С. И. Данилов.

О НАШЕЙ СТЕНГАЗЕТЕ.

На проведенном в феврале горбюро конкурсе стенгазет ВУЗ'ов и техникумов наша стенгазета „Наука и Труд“ заняла первое место.

Общественно-предметная комиссия, уделяющая охотно внимание в своей работе делу улучшения нашей стенгазеты и рабковского кружка, заинтересовалась вопросом, за что именно „Наука и Труд“ заняла первое место и, вместе с тем, какие при всем том недостатки редколлегия знает за издаваемой ею газетой?

По этому вопросу на одном из заседаний общественно-предметной комиссии и было заслушано сообщение редактора.

Жюри конкурса, как положительные стороны нашей стенгазеты, выделено: наружный вид, злободневность, полнота отражения учебы и быта, общественной работы, военного отдела, а равно—регулярность выпуска, работа редколлегии и кружка в целом, введение метода репортерства, участие в стенгазете педагогов и прочее.

Но одновременно указано было и на значительное количество недостатков (нет контроля достижений, слабы отделы хроники, литературный, юмористический, парткомсомольский, почтового ящика).

Отсюда, ближайший вывод сводится к тому, что тот факт, что „Наука и Труд“ заняла первое место среди других, говорит прежде всего о плохом качестве прочих стенгазет, которые участвовали с ней в соревновании.

Впрочем, конечно, все в мире относительно, но. В прошлом учебном году нашу стенгазету (также на конкурсе) похвалили, в этом году дали первый приз, а какой наша газета будет дальше?

Общественно-предметная комиссия, заслушав сообщение редактора и взяв курс на то, чтобы в будущем наша стенгазета и осталась первой и стала еще лучше, порекомендовала ряд мер.

Во-первых, хорошо уже то, что конкурс выработал, так сказать, определенный стандарт хорошей стенгазеты, и редакции необходимо взять этот перечень качеств газеты на учет, обратив особенное внимание на те моменты, которые отнесены к недостаткам, прочно закрепив то, что было оценено, как достижения.

Впрочем, и некоторые достижения жюри отметило лишь условно. Так, преподавательский состав в работу стенгазеты вовлечен, но, если прочие достижения оценены баллом 3, то только что упомянутое достижение оценено баллом 2. Репортерство намечено, но также еще не получило развития.

О „двойке“ педагогическому составу необходимо знать каждому преподавателю. До настоящего времени из педагогов использовывали нашу стенгазету, как коллективного организатора, не больше, как 10%, а остальные, очевидно, или тем не находят, или не чувствуют всей той силы, которую этот коллективный организатор может из себя представлять.

То же относится и к предметным комиссиям, и к учебному бюро, и к другим нашим учебно-воспитательным органам, при чем в протоколах многих из них можно найти даже многократные постановления о необходимости давать в газету заметки о наиболее интересных моментах своей (преподавательско-студенческой) работы.

Правда, здесь есть отчасти и вина редколлегии. О предстоящем выходе очередного номера, как равно и об основной установке последнего редакция должна дней за десять оповещать и студентов и преподавателей, оговаривая даже и те вопросы, которые желательнее бы было осветить в газете.

С другой стороны, и различным нашим административно-педагогическим и студенческим органам необходимо ставить в известность редколлегию о времени и месте своих заседаний для того, именно, чтобы последняя шире и полнее сумела использовать институт репортажа.

При этом редколлегия должна, думается, использовать в качестве репортеров и своих новичков, втягивая их в работу.

Вот о чем говорилось в прениях и отмечено в решениях обществоведческой предметной комиссии по докладу редактора нашей стенгазеты.

М. И. Постников.

Текст приветствия—адреса артшколе в день 10-й годовщины Р.-К. Кр. армии.

Артшколе при легком арт. полку 12-ой им. Сибревкома дивизии.

День 10-й годовщины первой в мире рабоче-крестьянской Красной армии—великий праздник трудящихся всего мира, и омский рабочий факультет, сам являясь, как и Красная армия,—детищем великого Октября, пламенно приветствует ее, в лице артшколы, как оплот мировой революции и залог освобождения всех трудящихся, всего человечества.

Красная армия, как и рабфаки, как и вся страна советов, прошла через голод, холод и другие суровые лишения, и последние спаяли нас в единую мысль—победить и в единую волю к этой победе.

Красная армия, разорвав кольцо контрреволюции и добыв стране победу, как и прежде, стоит на страже революционных завоеваний, а мы, рабфаковцы, обучаясь военному делу, в любой момент готовы, как и в прошлом, бросить наши учебные занятия, влиться в ряды Красной армии и в ее рядах биться до конца за наше великое дело.

Красная армия всегда была сильна крепостью союза рабочих и крестьян, она—поистине—подлинная школа коммунизма, и мы, рабфаковцы, осуществляя в своей среде союз рабочих и крестьян и воспитываясь в духе коммунизма, чувствуем крепкую спаянность свою с Красной армией.

Да здравствует же наш союз! Да здравствует Красная армия! Да здравствуют рабочие факультеты!

Коллектив Омск. рабфака.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

По биологии.

Блестящие достижения за последнее десятилетие в области естествознания вообще и биологических наук в частности (оживление отдельных органов и рост тканей в изолированной от организма среде, разностороннее влияние на организм так называемых желез с внутренней секрецией, попытка научного разрешения проблемы омоложения, наследственности и т. д.), привлекли к себе внимание широких кругов читающей публики. В своем стремлении удовлетворить эту все возрастающую потребность и интерес читателя к биологическим вопросам издательства наводнили книжный рынок массой научно-популярной литературы самого разнообразного достоинства как со стороны содержания, так и доступности изложения.

Желая помочь рабфаковцу повысить свою квалификацию в области естественно-научного образования и выработать твердое материалистическое мировоззрение на основах современного естествознания и учитывая его, более чем жесткий, бюджет времени, редакция „Ом.Рабф.“ рекомендует для прочтения следующие книги, сопровождая их краткими отзывами.

ТИМИРЯЗЕВ К.: 1) „Чарльз Дарвин и его учение“. Сокр. изд. „Пролетарий“, 111 стр., ц. 53 коп.;

2) то же—более полное изд. в 2-х частях (Гос. изд.), ч. I. 240 стр. ц. 75 к., ч. II, 278 стр. ц. 30 к.

Имя автора К. А. Тимирязева говорит само за себя. Книга представляет лучшее в нашей популярной литературе изложение эволюционной теории Дарвина. Для знакомства с учением Дарвина можно вполне ограничиться сокращ. изданием, так как последнее содержит тот же самый материал, что и полное издание, за исключением двух дополнительных статей Тимирязева: „Чарльз Дарвин и полувековые итоги дарвинизма“ и „Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином“ в 1-й части и политических статей под общим заголовком „Отповедь антидарвинистам“, составляющих содержание III-й части.

РИХАРД ГЕССЕ. „Учение о происхождении видов и дарвинизм“. 4 изд., 143 стр., ц. 70 к.

Книжка представляет собою весьма удачное изложение в простой и популярной форме учения Дарвина. Написана живо и увлекательно, местами с исчерпывающей полнотой. Расчитана на среднего читателя: рабочего, рабфаковца, ученика II степени и пр.

ЧУЛОК С. Д. „Теория эволюции (учение Дарвина), 424 стр., ц. 2 р.

Книга содержит более подробное изложение теории эволюции в довольно ясной и доступной форме.

НЕКРАСОВ А. „Борьба за дарвинизм“. 164 стр., ц. 70 к.

Автор излагает ясным и простым языком историю того, как дарвинизм боролся на Западе и у нас, в России, со старыми взглядами и как постепенно завоевывал себе общее признание. Книга читается с большим интересом.

АНУЧИН Д. П. „Происхождение человека“, 144 стр., ц. 80 к.

М. ГРЕМЯЦКИЙ „Происхождение человека“, 131 стр., ц. 70 к.

Обе книги как по содержанию, так и по изложению равного достоинства,—достаточно популярны.

ЖУКОВ Б. „Происхождение человека“, 164 стр., ц. 1 р. 20 к.

По сравнению с предыдущими, изложение более трудное, но тема затрагивается значительно глубже и вопрос освещается подробнее. Рекомендуются для более подготовленного читателя.

АЗИМОВ Г. „Происхождение жизни на земле“, 108 стр., ц. 40 к.

Очень доступно изложен вопрос; книжка строго выдержана с идеологической (материалистической) стороны. То же самое можно сказать и про более краткую брошюрку **Б. ЗАВАДОВСКОГО** „О коробке консервов и о происхождении жизни на земле“, 34 стр.

ОПАРИН. „Происхождение жизни“, 70 стр., ц. 40 к.

Очень обстоятельно изложен вопрос о происхождении органических соединений из элементов и живого вещества из органического. Книжка для более подготовленного читателя.

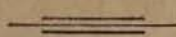
НЕМИЛОВ А. В. „Внутренние двигатели человеческого тела (гормоны)“, 68 стр., ц. 50 к.

В очень популярной форме изложено современное учение о железах с внутренней секрецией.

АЗИМОВ Г. „Борьба со старостью и омоложение организма“, 112 стр., ц. 40 к.

Книжка знакомит читателя в простом изложении с интересной проблемой омоложения.

По этому же вопросу только что появилась на книжном рынке прекрасная статья **проф. Немилова** „Омоложение домашних животных“ (143 стр., ц. 1 р. 75 к.), в которой вопрос освещается с почти исчерпывающей полнотой. Книга читается с большим интересом.

11259

Набрано и отпечатано
в типо-литографни
ОМГОСПОЛИГРАФ
1928 г. Зак. № 3061. 450.